

ЧАСТЬ I

Впервые Помпей встал во главе армии в 83 г. в родной Пицене, когда в возрасте 23 лет «собрал остатки отцовского войска»¹, сформировал «три полных легиона, запаса продовольствием, вьючными животными, повозками и всем прочим снаряжением и двинулся к Сулле»², высадившемуся с тридцатитысячной армией в Брундизии. «По окончании [гражданской] войны Сулла послал Помпея в Африку прогнать оттуда сторонников Карбона и водворить на царском престоле Гиемпсала, выгнанного нумидийцами»³.

Между тем, в самом Риме в 82 г. «Сулла занялся убийствами, кровавым делам в городе не было ни числа, ни предела, и многие, у кого и дел-то с Суллой никаких не было, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства. Наконец, один из молодых людей, Гай Метелл, отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно стало ждать прекращения того, что теперь творится. „Ведь мы просим у тебя, – сказал он, – не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых”. На возражение Суллы, что он-де еще не решил, кого прощает, Метелл ответил: „Ну так объяви, кого ты решил покарать”. И Сулла обещал сделать это. Некоторые, правда, приписывают эти слова не Метеллу, а какому-то Фуфидию, одному из окружавших Суллу льстецов. Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек, а на третий – опять по меньшей мере столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запомнил, будут внесены в список в следующий раз. Тех, кто принял у себя или спас осужденного, Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца. Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство – два таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын – отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации. Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей – на глазах матерей. Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели,

---

¹ Caes. Afr. 22.

² Plut. Pomp. 6.

³ App. I. 80.

случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого – сад, а иного – теплые воды. Квинт Аврелий, человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он сострадает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил: „Горе мне! За мною гонится мое альбанское имение”. Он не ушел далеко, кто-то бросился следом и прирезал его»⁴.

Легионы Помпея, так же как и набранные в 86 г. легионы фимбрианцев, не вошли в число ветеранов, наделенных Суллой землей в 82 г. Во время диктатуры Суллы выполнявший его поручение Помпей со своей армией находился в Утике (Африка) до тех пор, пока он не «получил письменное приказание Суллы распустить войско и с одним легионом ждать на месте своего преемника по командованию»⁵. По настоянию солдат приказ был проигнорирован. Назревал бунт.

Очевидно, что солдаты отказывались покинуть службу без должного вознаграждения. С одной стороны, их требования были естественными. Но законных оснований для их удовлетворения все-таки не было. Во-первых, служили они чуть больше года, тогда как за столь короткую службу никому еще не выплачивалось вознаграждение. Кроме того, сулланские ветераны, победившие марианцев и получившие в свое распоряжение их имущество, все-таки отличились в сражениях с Митридатом на востоке, а большинство солдат Помпея, кроме борьбы со своими согражданами и италийскими племенами, ничем похвастаться не могли. Если они намерены поднять бунт и идти войной на Рим, то им не следует забывать, что против них выступят опытные сулланские ветераны. Даже если бы удалось одержать над ними верх, на каком законном и моральном основании они могли бы претендовать на получение земельных наделов?

Единственное, что мог предпринять Помпей, – предложить такую военную кампанию, по результатам которой удовлетворение требований его солдат станет оправданной наградой за успех. Казалось бы, первым, против кого Помпей мог направить свои легионы, был Митридат. Однако ему посоветовали даже не думать об этом, так как понтийский царь вернулся к старой тактике заигрывания с Римом. После ухода Суллы из Азии Митридат под предлогом борьбы за Боспор начал неоправданно большие военные приготовления – строил мощный флот, готовил огромное войско. Заподозренный в измене понтийский военачальник Архелай, который, по мнению царя, еще на переговорах с Суллой уступил больше, чем было нужно, бежал к Мурене, главе римских легионов в Азии, и поведал о планах Митридата начать новую войну с Римом. Эти планы подтверждало и то, что во-

---

⁴ Plut. Sulla. 31.

⁵ Plut. Pomp. 13.

преки дарданскому договору⁶ Митридат так и не освободил для Ариобарзана всей Каппадокии. Щепетильность ситуации придавало то, что дарданский мир был устной договоренностью между Суллой и Митридатом. В отсутствие же письменного договора официальное требование ухода Митридата из Каппадокии дало бы основание обвинить римлян в развязывании войны. В этих условиях Мурена, демонстративно пройдя через Каппадокию (83 г.), захватил подвластный понтийцу город Команы с чтимым и богатым храмом и убил здесь нескольких всадников Митридата. Царь, обладающий более чем достаточной силой, которую он продолжал приумножать, направил в Команы послов, которые, сославшись на Дарданский договор, потребовали от Мурены убрать войска с земель Митридата. Римский легат «ответил, что этого договора не видал. Сказав это, Мурена тотчас же [на глазах у послов] стал заниматься грабежом, не воздержавшись даже от храмовых денег»⁷ – т.е. Мурена однозначно дал послам понять, что прежде чем что-либо требовать от него, необходимо подписать дарданский мирный договор, в соответствии с которым Митридат должен будет покинуть Каппадокию. Вернувшись на зиму в Каппадокию и не дождавшись от царя должной реакции, Мурена в следующем (82) году, перейдя реку Галис, разграбил уже около четырехсот деревень Митридата и вернулся во Фригию и Галатию⁸. В этот раз Митридат направил послов в Рим жаловаться Сулле. Помпею сказали, что на момент их совещания послы находятся в Риме в ожидании ответа Суллы на требование прекратить набеги Мурены на понтийские земли, однако Митридат так и не уполномочил их подписывать какой-либо мирный договор. Ясно, что Митридату, готовящемуся к большой войне, для привлечения союзников нужно было спровоцировать римлян к войне. Нахождение понтийской армии в Каппадокии, наносящее ущерб авторитету Рима среди народов Азии, являлось наиболее действенным для этого. Другое дело, что Рим после бед гражданской войны пока еще не был готов к такой войне.

Помпею не стоило также рассчитывать, что Митридат сам объявит войну Риму. Перед первой войной, начиная с посольства Гая Мария в 99 г., понтийский царь, ловко маневрируя, в течение десяти лет стал фактическим повелителем всей Малой Азии, присоединив к собственно Понту Пафлагонию, Галатию и сделав своими вассалами царей Вифинии и Каппа-

---

⁶ Согласно заключенному в августе 85 г. в г. Дардане на Геллеспонте мирному договору (Дарданский мир) Митридат уходил из Азии и Пафлагонии, отказывался от Вифинии в пользу Никомеда и от Каппадокии в пользу Ариобарзана, выплачивал римлянам две тысячи талантов и передавал им семьдесят обитых медью боевых кораблей с соответствующим снаряжением, Сулла же закреплял за Митридатом все прочие владения и объявлял его союзником римлян. Plut. Sulla. 22.

⁷ App. Mithr. 64.

⁸ App. Mithr. 64-65.

докии. Причем действовал он столь искусно, что, являясь той главной фигурой, которая двигала все события на Востоке, внешне он выглядел безучастным свидетелем всех происходящих событий⁹. Не имея явного повода, чтобы положить конец могуществу предельно осторожного Митридата, Рим вынужден был склонить Никомеда напасть в 89 г. на Понтийское царство¹⁰. Но даже после этого Митридат не начинал войны, а отправил посольство во главе с Пелопидом к римским полководцам с обоснованием своих претензий и жалобой на Никомеда. Когда же Рим, заявив о поддержке Никомеда, практически открыл дорогу к войне, Митридат представил себя в качестве жертвы агрессоров. Причем для вступления в войну с Римом Митридат VI выбрал крайне подходящее время: в Италии вспыхнула Союзническая война и силы римлян были отвлечены, а в самом Риме обострилась политическая борьба между Марием и Суллой¹¹.

Таким образом, по мнению легатов Помпея, война на Востоке могла начаться тогда, когда сам царь решился бы выступить против Рима, что он, как желающий реванша, сделает, но только после основательной подготовки, т.е. спустя несколько лет, и при наличии благоприятной для него внутривнутриполитической ситуации в Риме, наступление которой на тот момент во все не очевидно.

Кроме Митридата, не было никого, против кого можно было бы задействовать легионы Помпея. Марий, Карбон... погибли. Оставался лишь Квинт Серторий. Да и тот, побитый в Испании и Африке, скитался на море. Его участь будет окончательно решена, как только он ступит на берег.

Всесторонне обдумав сложившуюся ситуацию (его солдаты готовы к бунту, война с Митридатом – дело будущего, Серторий вот-вот будет пойман Аннеем), Помпей выдвинул оригинальную идею.

Основательно готовясь к войне, Митридат будет искать союзников. Известно, что в первую войну с Римом царь вступил, когда в Италии пылала ожесточенная союзническая война. Тогда царь даже принял послов от италийских союзников, просивших его высадиться в Италии и идти походом на Рим¹². Сейчас гражданская война завершается: у власти находится Сулла, а его смертельные враги, марианцы, терпя поражения, скрываются на перифериях. При таком раскладе, откажет ли Митридат марианцам в убежище, если они обратятся к нему с такой просьбой? Конечно, он предоставит им убежище. В случае войны с Римом мог бы Митридат привлечь к сотрудничеству этих марианцев? Да, он мог бы на это пойти. Известно, что

---

⁹ Молев Е.А. Властитель Понта. Н-Новгород. 1995. с. 60.

¹⁰ Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб. 2005. с. 387.

¹¹ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М. 1996. с. 198-199.

¹² Царь обещал сделать это после захвата всех римских владений в Азии. Diod. XXXVIII.2.11; Poseidonius ap. Athenaeus. V. 213 c = FGrH. 87. Fr. 36. P. 246, 9 ff; Sallust. Hist. VI. 13.

Сулла во время первой войны сумел завербовать главнокомандующего войсками понтийца Архелая, который недавно открыто перешел на сторону Рима. Поэтому ничего странного в том, что Митридат привлечет на службу бежавших от расправы Суллы марианцев, не будет. Кроме того, он мог бы пойти на заключение военного союза с марианцами, если бы убедился, что те представляют из себя военную силу, с которой не может справиться Рим. Более того, именно наличие противостояния Рима с марианцами может спровоцировать Митридата к войне. В таком случае, можно ли сделать так, чтобы видимость такого противостояния создали марианцы, с которыми согласился бы иметь дело понтиец, но которые действовали бы в интересах Рима? Безусловно, да. Все, что для этого необходимо, – согласие Суллы на то, чтобы Серторию искусственно создали условия, при которых он мог бы организовать борьбу марианцев против Рима (так как в его отряд входят бывшие члены штаба отца Гнея Помпея¹³, то через них эта борьба была бы полностью контролируемой). Таким образом, Помпей предлагал решение многих проблем. Во-первых, контролируемая война с Серторием обеспечит службу солдатам Помпея. Во-вторых, подтолкнув Митридата к союзу с Серторием, можно будет взять под контроль действия самого понтийца, легко и окончательно победить царя*, заполучить новые владения, в т.ч. земли его союзников и богатую добычу, за счет которой приобрести для солдат наделы в Италии.

К недостатку плана можно было отнести то, что заранее приходилось соглашаться на фактическое продолжение гражданской войны. Однако не они первые вступают на путь такого кровопролития. Кроме того, отказ от этого плана вовсе не гарантировал, что гражданская война будет прекращена, так как в этом случае место марианцев в борьбе с сулланцами заняли бы солдаты Помпея. Мало того, что не известно, чем могло завершиться это противостояние, так Рим еще ждало неминуемое столкновение с Митридатом. Таким образом, Помпей предлагал вместо двух неконтролируемых войн с непредсказуемыми результатами (солдат Помпея с сулланцами, Рима с Понтом) проведение Римом двух победоносных войн с контролируемыми противниками: с Серторием и с Митридатом. Временным усилением первого предлагалось достичь окончательного ослабления второго.

Полагаем, что предложенный план произвел столь сильное впечатление, что ради его претворения в жизнь подчиненные Помпея отказались от намерения идти войной на Рим, а его автора тут же провозгласили Магном (Великим)¹⁴.

---

¹³ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 33.

* Впоследствии Катон во всеуслышание будет утверждать, что римляне «в течение всей той памятной нам войны против Митридата сражались с бабенками» (Cic. pro Murena. 31. Речь в защиту Луция Лициния Мурены [В суде, вторая половина ноября 63 г.]).

¹⁴ Plut. Pomp. 13.

Первым делом нужно было срочно найти Сертория до того, как он попадет в руки солдат Аннея. Действовать решили через киликийских пиратов или, вернее, под видом киликийских пиратов. Обнаружив в море Сертория вместе с остатками флота, они присоединились к нему на некоторое время¹⁵. В принятый к исполнению план в общих чертах были посвящены легаты Сертория, которые раньше служили под началом отца Помпея. Сам Серторий оставался в полном неведении, так как ему отводилась роль «знамени» в борьбе против сулланцев. Для начала нужно было укрыть серторианцев в безопасном месте, пока в Риме не разработают более детальный план действий.

В Риме, между тем, Сулла, до которого дошла информация о бунте в африканских частях, уже хотел приступить к приготовлениям для его силового подавления, когда ему сообщили, что Помпею удалось привести своих солдат в повиновение, предложив оригинальный план действий. Все римляне готовы были радостно встретить и принять Помпея. Изучив план, Сулла, полагаем, пришел в такой восторг (кроме прочего, ему на старости лет не нужно было ввязываться в очередную гражданскую войну), что поспешил превзойти всех. Сначала он подговорил народного трибуна Гая Геренния наложить вето на ранее внесенный в сенат самим диктатором законопроект о роспуске африканских легионов¹⁶. Самого Помпея Сулла встретил далеко за городом, «приветствовал его как нельзя более сердечно и не только сам громко назвал его „Магном”, но и всем присутствующим велел называть Помпея этим именем»¹⁷. С тех пор, «он относился к Помпею, несмотря на его молодость, с почтением, так что, говорят, когда Помпей являлся к Сулле, последний только перед ним одним вставал»¹⁸.

Одоблив план Помпея, Сулла отправил наместнику Фуфидию в Испанию приказ оставить Сертория в покое, если он здесь высадится. Вместе с пиратами серторианцы беспрепятственно высадились и стали лагерем чуть выше устья Бетиса – реки, впадающей в Атлантический океан¹⁹. Тем временем в Риме шла проработка деталей для претворения в жизнь идей Помпея. Предстояло последовательно действовать в двух направлениях: на западном, по отношению к Серторию, и на восточном, по отношению к Митридату.

Для начала Сулла заверил находившихся у него послов Митридата в желании Рима соблюдать условия Дарданского мира и сообщил, что к Мурене будет направлен Калидий, который обяжет его выполнять принятые

---

¹⁵ Plut. Sert. 7.

¹⁶ Sall. Hist. II. 21.

¹⁷ Plut. Pomp. 13.

¹⁸ App. I 80.

¹⁹ Plut. Sert. 8.

сенатом решения. Сенат, правда, отказался принимать какое-либо официальное постановление по этому поводу (очевидно, чтобы не дать Митридату возможности использовать его в качестве предлога к войне).

Калидий прибыл в Азию к Мурене и с трибуны официально заявил собравшемуся народу, что сенат велит Мурене воздержаться от нападения на царя, так как с ним заключен договор. Вместе с тем, «после этого заявления Калидия видели беседующим с Муреной с глазу на глаз; Мурена, не отказавшись ни в чем от своего намерения, даже после этого двинулся на землю Митридата»²⁰. Естественно, Митридат решил, что римляне фактически ведут с ним войну. Сначала он послал против Мурены Гордия, а затем и сам выступил в поход во главе большого войска. У реки произошел бой, в котором одержал победу Митридат. Потерпев у сильно защищенного холма второе поражение, Мурена бежал по горным местам во Фригию²¹. После этого гарнизоны римлян покинули Каппадокию и вторая митридатова война фактически завершилась. По случаю победы Митридат принес богатые жертвоприношения на вершине высокой горы. Моментально распространившаяся весть о блестящей и решительной победе привлекла на его сторону многие племена в Азии. Учитывая, что поражение в Азии Рим оставил без последствий, можно утверждать, что на словах Калидий передал Мурене приказ Суллы о том, чтобы тот, прежде чем прекратить противостояние с Митридатом, дал последнему повод почувствовать себя победителем римлян на поле брани, а также позаботился о постройке боевого корабля, который необходимо будет предоставить в распоряжение послов-«марианцев»²².

После этого Сулла отправил к Митридату в качестве посла Авла Габиния с поручением подтвердить желание Рима соблюдать условия Дарданского мира, а также помирить царя с Ариобарзаном. На переговорах, проходивших во время богатого пиршества, Митридат просватал свою четырехлетнюю дочь за Ариобарзана и на правах будущего тестя договорился о закреплении статус-кво в Каппадокии, большая часть которой находилась под его контролем. Один только Габиний, выполнив свою миссию, покинул застолье, так и не притронувшись ни к чему²³.

Одной из основных проблем с приданием боеспособности Серторию было то, что большая часть марианцев к этому времени была либо разбита, либо, смирившись с поражением, сложила оружие. Разумным представлялось содействие союзу Сертория с испанскими племенами. Однако в этом вопросе имелись свои проблемы. Тайно договориться с местной знатью не

---

²⁰ App. Mithr. 65.

²¹ App. Mithr. 65.

²² Cic. Verr. I. 89.

²³ App. Mithr. 66.

представляло особого труда: Красс²⁴, Помпей²⁵ и многие знатные римляне имели здесь давние и крепкие связи. Проблема была в том, что сам Серторий, особенно в глазах местного населения, которому предстояло составить основу его войска, не обладал полководческими способностями: будучи наместником Испании, он стремительно бежал, так и не дав самостоятельно ни одного сражения²⁶. Для исправления этого биографического недостатка пришлось разработать специальный план маленькой победоносной войны в Мавритании²⁷: для борьбы со своим предшественником Аскалидом местный царь Лептаста, который своим положением в немалой степени был обязан Сулле, должен был пригласить Сертория на должность главнокомандующего. По завершении кампании Сертория можно будет предъявлять испанским племенам в качестве руководителя в борьбе с Римом. Если все пойдет по плану, то для подавления «восставших» во главе с отобранными у Помпея²⁸ легионами будет отправлен Цецилий Метелл Пий²⁹ – сын Кв. Цецилия Метелла Нумидийского, свойственник и коллега Суллы по консульству (80 г.)³⁰.

После того, как все детали этой части плана были уточнены и согласованы, возникла проблема. В его реализации не нашлось места Помпею: его легионы должны были отправляться в Испанию под руководством Цецилия Метелла Пия. На естественные претензии Помпея Сулла, скорее всего, привел вполне разумные доводы: если Митридату сообщат, что один из величайших и знаменитейших римлян того времени³¹, коллега Суллы по консульству, двоюродный брат его жены, сын знаменитого Метелла Нумидийского терпит поражение за поражением от какого-то малоизвестного Сертория, то понтийский царь обязательно заинтересуется личностью последнего. Если же ему скажут, что в далекой Испании Серторий нанес пораже-

---

²⁴ Отец Марка Красса, консул 97 г. П. Лициний Красс, будучи в 96-93 гг. наместником Испании, вел успешную войну с лузитанами, за что в 93 г. был удостоен триумфа, сумел оставить о себе высокое мнение среди местного населения, которое впоследствии спасло его сына от марианцев. Acta triumph. Cap. 661; Plin. XXX. 12; Plut. Cras. 1, 4; Strabo. III. 5. 11.

²⁵ В Ближней Испании Помпей имел немало клиентов. См.: Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 200.

²⁶ Plut. Sert. 7.

²⁷ Хотя остальные источники ничего об этом не сообщают, из слов Катона («он [Гней Помпей] же с удивительной быстротой вернул силой своего оружия Сицилию, Африку, Нумидию и **Мавретанию**; этим он приобрел себе то высокое положение, которое во всем свете пользуется славной известностью, и хотя был молод и был простым римским всадником, удостоился триумфа» Caes. Afr. 22.), обращенных в 48 г. к Сексту Помпею, сыну Гнея Помпея, можно сделать вывод, что последний посетил, возможно тайно, в этот период Мавританию.

²⁸ Plut. Sulla. 40 (2).

²⁹ App. I. 97, 108; Plut. Pomp. 17. Sert. 12; Vell. II. 29, 5; Flor. II. 10, 5.

³⁰ Plut. Sulla. 6.

³¹ Plut. Sert. 12. «В должности претора он во время Союзнической войны убил вождя марсов Квинта Помпедия» (Аврелий Виктор. О знаменитых людях. LXIII).

ние молодому Помпею, то Митридат пропустит эту информацию мимо ушей. Помпею пришлось уступить приведенным доводам. Очевидно Сулла считал, что Помпей должен будет возглавить поход против самого Митридата, для чего, кстати говоря, молодому человеку не мешало бы обогатить свою биографию службой в магистратурах. В этом смысле Сулла, прибавивший ранее в состав совершенно обезлюдевшего из-за междоусобных распрей и войн сената до 300 новых членов из наиболее знатных всадников³², предложил Помпею членство в нем. Однако, стремясь прийти к славе необычным путем, тот отверг предложение диктатора и потребовал для себя разрешения на триумф за победу в Африке: ведь не было бы ничего удивительного, если бы Помпей сделался сенатором раньше установленного возраста, однако совершенно особенной честью являлся триумф, разрешенный тому, кто еще не был сенатором³³. Сулла хотел отказать ему: «закон-де не разрешает триумфа никому, кроме консула и претора. Ведь и Сципион Старший, одержав более великие и более важные победы над карфагенянами в Испании, не требовал себе триумфа, так как он не был ни консулом, ни претором. Если же Помпей, у которого еще не совсем пробился пушок на подбородке, который по годам еще не может заседать в сенате, совершит триумфальный въезд в Рим, это возбудит всеобщую ненависть и против его, Суллы, власти, и против оказанных Помпею почестей. Таковы были доводы Суллы, который хотел показать, что не даст Помпею исполнить свое намерение, а если тот ослушается, то воспротивится этому и накажет его за упрямство»³⁴. В ответ на это Помпей без тени смущения заявил Сулле, что «больше людей поклоняется восходящему солнцу, чем заходящему, намекая на то, что могущество Помпея растет, а силы диктатора слабеют и истощаются»³⁵. Сначала Сулла не расслышал слов Помпея, но, видя по выражению лиц и жестам присутствующих, что они изумлены, спросил, что сказал Помпей. Когда ему повторили его слова, пораженный смелостью Помпея Сулла дважды вскричал: «Пусть празднует триумф!»³⁶.

Чтобы еще больше досадить Сулле и его людям, Помпей хотел во время триумфа проехать на колеснице, запряженной четырьмя африканскими слонами. Лишь узость ворот заставила заменить слонов конями. Однако скандал чуть не случился по другому поводу. В знак протеста против скудности полученного за поход вознаграждения собственные солдаты Помпея хотели расстроить триумфальное шествие шумом и суматохой. В ответ на это Помпей заявил, что «ему безразличны их угрозы и что он скорее готов

---

³² App. I. 100.

³³ Plut. Pomp. 14.

³⁴ Plut. Pomp. 14.

³⁵ Plut. Pomp. 14.

³⁶ Plut. Pomp. 14.

отказаться от триумфа, чем заискивать перед солдатами»³⁷. Солдатам пришлось смириться. Сервилий – знатный римлянин, противившийся триумфу Помпея – оценив его поступок, признал, что «видит теперь, что Помпей поистине велик и достоин триумфа»³⁸.

В Испании события развивались следующим образом: под влиянием своих легатов, получивших детальные инструкции из Рима³⁹, Серторий заявил своему отряду о намерении удалиться на покой на Блаженные острова. Это послужило поводом для пиратов, чтобы покинуть его и отправиться в Мавританию на подмогу домогавшемуся власти Аскалиду. Сам Серторий явился туда же, чтобы поддержать действующего царя. Плутарх говорит, что «он рассчитывал, что его соратники, ободренные новыми успехами, увидят в них залог дальнейших подвигов и потому не рассеются, охваченные унынием»⁴⁰. Получив должность главнокомандующего, Серторий разбивает и осаждает Аскалида, а затем убивает присланного Суллой Пакциана, отряд которого переходит на его сторону⁴¹. Одержав победу, он довольствуется лишь наградой, которую дал ему мавританский царь. После успешной кампании в Африке к Серторию явились послы лузитан с предложением возглавить их борьбу с Римом: «опасаясь римлян, они искали себе предводителя, который был бы человеком достойным и опытным; узнав о характере Сертория от его спутников, лузитанцы желали доверить свои дела ему и только ему»⁴². «Действительно, во время африканской экспедиции Серторий оказался именно в той роли, в которой мы встречаем его позднее у лузитан: римлянин во главе варваров. И только после того, как Серторий продемонстрировал то, как он ведет себя в ситуации, в которой должен оказаться в результате их возможного соглашения, к нему прибыло официальное посольство лузитан»⁴³. Переговоры между лузитанами и Серторием завершились успешно.

Скорее всего, по пути в Испанию в проливе у Менарии в морском сражении серторианцы разгромили Котту⁴⁴ и, согласно общепризнанному мне-

---

³⁷ Plut. Pomp. 14.

³⁸ Plut. Pomp. 14.

³⁹ О том, что легаты легко могли обмануть Сертория, свидетельствуют, например, следующие обстоятельства заговора против него: «Заговорщики ...ввели к Серторию своего человека под видом гонца, принесшего послания, в которых сообщалось о победе одного из полководцев и о гибели множества врагов [т.е. информация гонца была абсолютной ложью]. Обрадованный этой новостью, Серторий совершил благодарственное жертвоприношение». По случаю этой «победы» Перпенна устроит пир, на котором Серторий будет убит заговорщиками. Plut. Sert. 26.

⁴⁰ Plut. Sert. 9.

⁴¹ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 50.

⁴² Plut. Sert. 10.

⁴³ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 54.

⁴⁴ Plut. Sert. 12.

нию, высадились в 80 г.⁴⁵ у занятой лузитанами горы Беллей⁴⁶. Среди склонного к мирной жизни населения провинции сразу же стали широко распространяться устрашающие слухи, «причем каждый в зависимости от испытываемого им страха утверждал, что волнами океана принесено пятьдесят или более тысяч врагов [серторианцев] и что это невиданные чудовища, питающиеся телами людей»⁴⁷. В распоряжении Сертория оказалось две тысячи шестьсот человек, которых он называл римлянами, семьсот ливийцев, прибывших вместе с ним из Африки, а также лузитанцев – четыре тысячи легкой пехоты и семьсот всадников. Действуя как главнокомандующий с неограниченными полномочиями, Серторий сразу же стал наводить порядок и подчинил ближайшие области Испании. На реке Бетис ему пришлось сойтись с Фуфидием, прибывшим туда с двумя легионами. Признав переправу очень трудной (все благоприятствует больше врагу, чем его людям)⁴⁸, наместник Бетики отказался отдавать приказ о наступлении. Перешедшие же реку многонациональные легионы Сертория обратили Фуфидия в бегство в битве, где, по Плутарху, пало две тысячи римлян⁴⁹. Наместник другой Испании – Домиций Кальвин, вскоре был разбит квестором Сертория⁵⁰. Проконсул Нарбонской Галлии Луций Манлий и легат Луций Домиций были разбиты квестором Гиртулеем⁵¹.

Большая часть покоренных племен стала добровольно переходить на его сторону, привлекаемая мягкостью и отвагой Сертория⁵². После этого в 79 г. Сулла послал против него в Испанию Метелла⁵³ во главе, по меньшей мере, двух легионов⁵⁴, состоявших из солдат Помпея⁵⁵.

Достигнув в Испании реализации первоначального этапа плана, в Риме обратили взоры на восточное направление. Здесь в первую очередь нужно было позаботиться, чтобы Митридат принял на службу нужных Риму марианцев, которые должны будут подтолкнуть Митридата к союзу с Серторием. Для выполнения столь ответственной миссии выбор пал на Л. Магия и Л. Фанния, марианцев, служивших раньше в войске Фимбрии⁵⁶, после смерти которого они осели в Минде⁵⁷. Чтобы облегчить достижение конеч-

---

⁴⁵ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 57.

⁴⁶ Sall. Hist. I. 105.

⁴⁷ Sall. Hist. I. 107.

⁴⁸ Sall. Hist. I. 108.

⁴⁹ Plut. Sert. 12.

⁵⁰ Plut. Sert. 12.

⁵¹ Liv. Per. XC; Oros. V. 23. 5.

⁵² Plut. Sert. XI.

⁵³ App. I. 97.

⁵⁴ Sall. Hist. II. 28.

⁵⁵ Plut. Sulla. 40 (2).

⁵⁶ Oros. VI. 2. 12.

⁵⁷ Cic. Verr. I. 87.

ной цели, они, прежде чем явиться к понтийскому царю, должны были получить построенный в Милете по заказу Мурены специальный корабль. Эту часть плана, соблюдая конспирацию, должен был выполнить Веррес, служивший в то время легатом в Киликии⁵⁸. Получив в свое распоряжение великолепную бригантину, Л. Магий и Л. Фанний, как только занялось испанское восстание Сертория⁵⁹, явились ко двору Митридата. Угождая речами и, главное, демонстрируя ненависть Сулле, они до такой степени смогли войти к нему в доверие, стали так дороги и милы царю⁶⁰, что впоследствии были назначены его советниками⁶¹.

Между тем, в этот период у Митридата возникли трудности. Воспользовавшись наступившей после второй митридатовой войны паузой, он решил захватить Боспор и сделать его правителем одного из своих сыновей, Махара. Поход завершился неудачно: в войне с ахейцами, в результате сражений, засад и мороза, он потерял две трети своего войска. Неожиданное военное ослабление актуализировало для Митридата наличие формальных договоренностей с Римом: напомним, Дарданский мир являлся устной договоренностью между Суллой и Митридатом. Для подписания договора в Рим была направлена уполномоченная делегация. Однако одновременно с ней в Риме с жалобой на то, что Митридат не освобождает Каппадокии, появляется посольство от Ариобарзана⁶². Сулла отказался подписывать с послами Митридата мирный договор и потребовал, чтобы он освободил Каппадокию.

Так как риск того, что Митридат сможет разобраться в хитросплетении сетей, которые будут плестись вокруг него, был велик, необходимо было минимизировать его неконтролируемые контакты с Римом и Серторием. Устроить прямую морскую блокаду без подозрений либо открытого столкновения было нереально. Поэтому решили прибегнуть к помощи киликийских пиратов. Еще во время первой войны с Римом пиратов на море допустил сам Митридат, когда стало ясно, что ему недолго придется владеть Азией⁶³. Когда же Митридат был побежден, заключил мир и удалился в свое царство, пираты не оставили свой промысел. Если раньше против Рима с пиратами мог договориться Митридат, то что мешает теперь римлянам договориться с ними против Митридата? Пираты, таким образом, должны

---

⁵⁸ Cic. Verr. I. 86.

⁵⁹ App. I. 68.

⁶⁰ Sall. Hist. II. 78.

⁶¹ App. Mith. 68.

⁶² App. Mithr. 67. По поводу посольства Ариобарзана фраза Аппиана «по собственному ли почину или по чьим-либо настояниям» позволяет нам предположить, что это посольство было организовано по настоянию самих римлян. Об этом же говорит и то, что ранее Ариобарзан с такими жалобами в Рим послов не отправлял, хотя после заключения в 85 г. Дарданского мира Митридат так и не освободил Каппадокии.

⁶³ App. Mith. 63, 92.

были расстроить морские коммуникации на востоке средиземноморья, минимизировав, тем самым, контакты Малой Азии с западом. Такой подход представлялся тем более оправданным, что в последствии можно было утверждать: «Бесчестным и свирепым разбойникам [пиратам] придала дерзости Азия, беспокойная из-за битв с Митридатом; под шумок чужой войны, под прикрытием ненависти к чужеземному царю они бесчинствовали безнаказанно. Сначала, при вожаке Исидоре, они довольствовались ближайшим морем, расположенным между Критом, Киреной, Ахайей и заливом Малеа, которое из-за награбленной добычи сами называли Золотым»⁶⁴. Судя по сообщению Аппиана, что «Мурена попытался вступить с ними [пиратами] в борьбу, но ничего не сделал значительного»⁶⁵, именно Мурена договаривался с пиратами. Затем контроль над решением этой задачи был поручен Публию Сервилию Ватию, консулу 79 г., который со специальными полномочиями был назначен проконсулом Киликии⁶⁶.

После того, как понтийский царь по требованию Суллы освободил земли Ариобарзана, для письменного заключения договора в Рим отправилось второе посольство. Однако ко времени их прибытия Сулла уже скончался, а ситуация в городе из-за действий Лепида стала накаляться, вследствие чего миссия посланников не достигла цели⁶⁷.

В Риме за этот же период политическая борьба вступила в новую фазу. Общество постепенно отходило от шока диктаторства Суллы. С одной стороны, среди проигравших в борьбе с Суллой марианцев и италийских племен раздавались призывы вернуть утраченную собственность. С другой – почти все общество желало восстановления полномочий народных трибунов. Не имеющий отношения к проявлениям диктатуры Суллы Помпей пользовался большим авторитетом среди римлян. Однако его бывшие солдаты были разочарованы в нем. Используя протестные настроения, Помпей решил попытаться заняться разрешением проблем своих солдат. Теперь, когда он был не у дел и реализация идеи наделения своих ветеранов землей наделами казалась призрачной, он решил взглянуть на проблему иначе. Изначально его солдаты требовали лишь равного с сулланскими ветеранами материального вознаграждения. Если он не может найти достаточно средств для выплаты своим солдатам, чтобы они не чувствовали себя обделенными по сравнению с ветеранами Суллы, тогда, чтобы уравнять их, нужно отнять у сулланских ветеранов земли, тем более что получены они в результате разграбления римских граждан. Чтобы добиться этого, вовсе не нужно прибегать к оружию. Достаточно опереться на поддержку всего об-

---

⁶⁴ Flor. II. 41. 6. 4.

⁶⁵ App. Mithr. 93.

⁶⁶ Flor. II. 41. 6. 4.

⁶⁷ App. Mithr. 67.

щества, предложив восстановление прав народных трибунов, и решить вопрос в рамках законодательных процедур.

Сам он, не прошедший соответствующих магистратур, не мог лично претендовать на должность консула. Поэтому он решил поддержать кандидатуру Марка Эмилия Лепида, эдила 86 г., который в свое время, примкнув к Сулле, разбогател в ходе проскрипций 82 г. Исключительно благодаря поддержке Помпея, который пользовался расположением народа, и вопреки воле Суллы, который предчувствовал от этого угрозу установившемуся порядку, Лепид был избран консулом на 78 г.⁶⁸. Разногласия по кандидатуре Лепида испортили отношения между Суллой и Помпеем. Плутарх сообщает о следующем эпизоде: увидав идущего с выборов через форум в сопровождении толпы народа Помпея, который радовался победе своего ставленника, Сулла подозвал его и сказал: «Я вижу, молодой человек, что ты рад своему успеху. Как это благородно и прекрасно с твоей стороны, что Лепид, отъявленный негодяй, по твоему ходатайству перед народом избран консулом, и даже более успешно, чем Катул, один из самых добропорядочных людей. Пришла пора тебе не дремать и быть на страже: ведь ты приобрел врага, гораздо более сильного, чем ты сам»⁶⁹. Свое недовольство Сулла также выразил тем, что в своем завещании он исключил Помпея из числа получателей подарков⁷⁰ из его наследства, а также назначил опекуном своего сына Лициния Лукулла, обойдя Помпея⁷¹.

Стоит, однако, отметить, что когда на похоронах Суллы Лепид попытался воспрепятствовать сожжению тела покойного, Помпей, вмешавшись, добился все же погребальных почестей для умершего, и принятия мер безопасности во время погребения. Со своей стороны сенат обязал обоих консулов принести присягу не решать разногласия силой⁷².

Между тем Лепид стал пропагандировать отмену сулланской конституции. В пламенной речи, обращенной к римскому народу, Лепид призывал граждан к борьбе за восстановление собственных прав и свобод: «у него [Суллы] вся надежда на злодейство и вероломство, и он чувствует себя в безопасности лишь тогда, когда подлостью и бесчестностью превзойдет худшие ваши опасения, чтобы вы, охваченные ими, в своем бедственном положении отказались от стремления отстаивать свободу [...] Действовать надо, то есть выступить против этого, квириты [...] Чего еще нам ждать? Какие человеческие законы уцелели, какие божеские не оскорблены? Римский народ, еще недавний повелитель народов, теперь, лишенный верховной власти, славы, прав, возможности существовать и презираемый, боль-

---

⁶⁸ Plut. Sulla. 34.

⁶⁹ Plut. Pomp. 15.

⁷⁰ Plut. Pomp. 15.

⁷¹ Plut. Lucull. 4.

⁷² App. I. 107.

ше не получает даже пищи, положенной рабам. Большинство союзников и латинян, которым за многие выдающиеся заслуги были вами дарованы гражданские права, лишились их по воле одного человека, и домашние очаги ни в чем не виновного народа несколько его приспешников захватили в качестве платы за свои преступления. Во власти одного человека законы, правосудие, государственная казна, провинции, цари – словом, право жизни и смерти над гражданами. В это же время вы видели людей, принесенных в жертву, и могилы, оскверненные кровью сограждан. Что еще остается мужам, как не покончить с противозаконием или с честью умереть, потому что природа определила один конец всем смертным, даже тем, кто защищается с оружием в руках, и никто, кроме тех, у кого бабья натура, не ждет безропотно своего последнего часа»⁷³.

Кроме того, он открыто призывал вернуть отнятую Суллой собственность прежним владельцам: «Сулла обвиняет меня в том, что я завладел имуществом жертв проскрипций. Право, наибольшее из его преступлений – в том, что ни я, ни кто-либо другой не чувствовали бы себя достаточно безопасно, если бы поступали честно. Но то, что я тогда приобрел в страхе, оплатив его, я, полноправный собственник, все же возвращаю, и намерение мое – не допускать, чтобы имущество граждан было чьей-либо добычей»⁷⁴.

По завершении консульских полномочий Лепид отъехал в 78 г. в Галлию, назначенную ему в управление. Однако сенат, опасавшийся Лепида, лозунги которого получали широкий отклик среди народа, постановил сложить с него полномочия наместника и отозвал его обратно. Прекрасно понимая причину этого решения, Лепид явился вместе со своим войском к Риму. Когда ему запретили вступать в город, он призвал своих сторонников в Риме взяться за оружие⁷⁵. Целями мятежа были провозглашены отмена сулланских постановлений, восстановление власти народных трибунов, возвращение отнятых Суллой земель прежним хозяевам.

Подавлением мятежа по должности в первую очередь должен был заняться консул Катул. Однако сенат, под предлогом того, что консул имел склонность скорее к государственной деятельности, чем к военному искусству, с требованием подавить мятеж обратился к Помпею, поставив его перед трудным выбором, так как Лепид был его ставленником. Без внешнего колебания Помпей принял сторону сената и тотчас же был назначен глав-

---

⁷³ Саллюстий. Речь консула Лепида к римскому народу, 1, 7, 11-15.

⁷⁴ Sall. Hist. I. 55. 18. См. также: Flor. II. 11. 4. «Владевшие имуществом граждан, осужденных по приговору Суллы, получили его хотя и бесчестно, но все-таки по праву, и требование его возвращения означало нарушение порядка в уже успокоившемся государстве»;

App. II. 107. «Лепид, желая привлечь и италийцев на свою сторону, говорил, что он отдаст им землю, отнятую у них Суллою»;

Sall. Hist. I. 77. 14. «Или вы склонны уступить требованиям Лепида, который, по его словам, хочет, чтобы каждому возвратили его имущество, а сам удерживает у себя чужое».

⁷⁵ App. I. 107.

нокомандующим в войне против Лепида. К этому моменту последний уже подчинил большую часть Италии и с помощью войска Брута завладел Галлией по эту сторону Альп. По логике, Помпею в первую очередь нужно было освободить Италию и выступить против руководителя мятежа – Лепида, и, тем самым, отвести угрозу от Рима. Но... Помпей решает двигаться на север. Не встретив существенного сопротивления, он добирается до Мутины, где долгое время осаждает Брута. Между тем, Лепид, подойдя к Риму, становится у его стен лагерем, и, устрашая жителей многочисленным войском, требует для себя вторичного консульства. Казалось, теперь то Помпей должен побыстрее расправиться с Брутом и спешить на помощь в столицу. Вместо этого в Рим приходит письмо от Помпея «с сообщением об успешном и бескровном окончании войны»⁷⁶. «Брут то ли сам сдался вместе с войском, то ли войско, изменив своему полководцу, покинуло его»⁷⁷. Судя по тому, что никакого сражения под Мутиной не было, за время **долгой** осады противостоящие друг другу стороны просто стояли в ожидании развития событий в Риме. На подобную мысль нас наводят обстоятельства гибели Брута. Плутарх пишет, что «Бруту пришлось отдаться в руки Помпея; получив в провожатые несколько всадников, он удалился в какой-то городок на реке Паде, где на следующий день был убит подосланным Помпеем Геминием^{*}. Этот поступок навлек на него множество упреков. В самом деле, тотчас после перехода к нему войска Брута Помпей написал сенату, что Брут якобы сдался добровольно, а затем, после убийства Брута, отправил второе письмо с обвинениями против него»⁷⁸. Явное противоречие между двумя письмами Помпея, на наш взгляд, свидетельствует о том, что первоначально Помпей и Брут достигли какой-то договоренности, однако затем Брут резко изменил свои намерения, после чего Помпей был вынужден приказать убить его. Скорее всего Брут, зная, что за Лепидом в действительности стоял Помпей, потребовал от него открыто поддержать мятеж и вести свои войска на Рим. Однако конфронтационное развитие событий заставило Помпея отказаться от подобного шага. Во-первых, сулланские ветераны готовы были сражаться за полученные от Суллы земельные наделы. Даже если бы, пойдя на кровопролитие, он одержал над ними верх, что было не очевидно, то что он мог предложить своим солдатам за победу (денег у него не было) – лишь благодарность за восстановление

---

⁷⁶ Plut. Pomp. 16.

⁷⁷ Plut. Pomp. 16.

^{*} Геминий вполне подходил для выполнения столь деликатной миссии: «Флора [гетера] рассказывала еще, что в нее был влюблен один из приятелей Помпея, некто Геминий, доставлявший ей немало хлопот своими ухаживаниями. Наконец, она объявила, что не может согласиться на его домогательства из-за Помпея. Тогда Геминий обратился к самому Помпею, и тот уступил гетеру приятелю». Plut. Pomp. 2.

⁷⁸ Plut. Pomp. 16.

ние закона? Но, во-вторых, Лепид уже официально объявлен врагом отечества⁷⁹, так что сенат и, формально, закон были на стороне сулланских ветеранов. В такой ситуации Помпей рекомендовал Лепиду⁸⁰ отказаться от борьбы и покинуть со своими сторонниками Италию. Таким образом, война с Лепидом кончилась в течение лета едва ли не быстрее, чем началась⁸¹. «Лутаций Катул [коллега мятежника по консульству] обратил в бегство из Италии Лепида, стремившегося отменить законы Суллы и двигавшегося с армией, и этим один из всех без кровопролития закончил гражданскую войну»⁸².

Лепид сразу без боя бежал в Этрурию, а оттуда на Сардинию⁸³ к Перперне, где умер от чахотки⁸⁴. «Победители же [сулланцы] удовлетворились миром, что не часто встречается в гражданских войнах»⁸⁵. Таким образом, единственной боевой жертвой мятежа Лепида оказался Брут.

Ход боевых действий в Испании в 79-77 гг. известен в общих чертах⁸⁶ по разрозненным фрагментам «Истории» Саллюстия⁸⁷, рассказу Плутарха⁸⁸ и неясному упоминанию у Флора⁸⁹. Как пишет А.В. Короленков, «Ученые посвятили немало сил, чтобы выяснить, как конкретно протекали боевые операции в Лузитании, пытались определить направление и последовательность походов повстанцев и войск сената, ссылаясь на данные нарративных источников, археологии, топографии, топонимики. Подобных гипотез великое множество, их пересказ и анализ заняли бы слишком много времени, но не привели бы к прояснению картины, поскольку все они основаны на массе допущений»⁹⁰.

В действительности, ни один источник не приводит данных о какой-либо битве за тот период между Серторием и Метеллом. Плутарх пишет, что «Метелл был бессилен что-либо сделать, ибо ему приходилось вести войну с человеком отважным, избегавшим открытого сражения и к тому же чрезвычайно быстро передвигавшимся благодаря подвижности легковоору-

---

⁷⁹ Flor. II. 11. 7.

⁸⁰ Отметим, что именно в консульство Помпея по проведенному народным трибуном Плотием постановлению были амнистированы все, кто примкнул к мятежу Лепида, а после его смерти бежал к Серторию (Suet. Caes. 5). После смерти Цезаря одноименный сын Лепида в 43 г. вместе с Марком Антонием и Октавианом Августом образует триумвират, который будет править Римом.

⁸¹ Eutrop. VI. 5. 1; Flor. II. 11. 7.

⁸² Amp. 19. 7.

⁸³ Flor. II. 11. 7.

⁸⁴ App. I. 107.

⁸⁵ Flor. II. 11. 7.

⁸⁶ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 136.

⁸⁷ Sall. Hist. I. 110-121; II. 28.

⁸⁸ Plut. Sert. 12-13.

⁸⁹ Flor. II. 10. 7.

⁹⁰ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 144.

женного испанского войска. Тактика, к которой привык сам Метелл, была рассчитана на столкновения регулярных тяжеловооруженных отрядов. Он командовал плотной и малоподвижной фалангой, которая была прекрасно обучена отражать и опрокидывать врага в рукопашной схватке, но оказалась непригодной для горных переходов и для столкновений с быстрыми, как ветер, воинами, когда без конца приходилось преследовать и убегать, когда надо было – подобно людям Сертория – терпеть голод, жить, не зажигая огня и не разбивая палаток. К тому же Метелл – человек уже в годах, вынесший многочисленные и тяжкие битвы, – был склонен к неге и роскоши, а тот, с кем ему пришлось воевать, Серторий, отличался зрелостью духа и вместе с тем удивительной силой, подвижностью и простотой образа жизни. Он не пьянствовал даже в свободные от трудов дни – наоборот, он привык к тяжелой работе, дальним переходам, постоянному бодрствованию и довольствовался скудной и непривлекательной пищей. На досуге Серторий бродил или охотился, а потому знал местности, как легко доступные, так и непроходимые, и вот, отступая, он всегда находил, где проскользнуть, а преследуя – как окружить противника. Поэтому Метелл, не вступая в битву, испытывал все невзгоды, выпадающие на долю побежденных, тогда как Серторий, убегая от противника, оказывался на положении преследователя. Серторий лишал римлян воды и препятствовал подвозу продовольствия; когда они продвигались вперед, он ускользал с их дороги, но стоило им стать лагерем, как он начинал их тревожить; если они осаждали какой-нибудь город, появлялся Серторий и в свою очередь держал их в осаде, создавая нехватку в самом необходимом. **В конце концов римские воины потеряли надежду на успех и, когда Серторий вызвал Метелла на единоборство, стали требовать и кричать, чтобы они сразились** – полководец с полководцем и римлянин с римлянином; они издевались над Метеллом, когда тот ответил отказом. Но Метелл высмеял их требования, и был прав, ибо полководец, как говорил Теофраст, должен умирать смертью полководца, а не рядового»⁹¹. Единственный намек на очное противостояние произошел во время осады римлянами города Лангробриги, да и то, когда стало известно, что Серторию через горы удалось организовать снабжение города, «Метелл пришел в дурное расположение духа, потому что припасы у его воинов подходили к концу, и послал за продовольствием Аквина с шеститысячным отрядом. Но Серторий, от которого это не укрылось, устроил засаду на пути Аквина; три тысячи воинов, выскочив из темного ущелья, напали на Аквина с тыла, в то время как сам Серторий ударил ему в лоб; римляне были обращены в бегство, часть из них пала, другие оказались в плену. Аквин вернулся, потеряв коня и оружие, и Метелл должен

---

⁹¹ Plut. Sert. 12-13.

был с позором отступить, провожаемый непрерывными насмешками испанцев»⁹².

О потерях Метелла, кстати говоря, ничего не известно⁹³, что, впрочем, можно сказать и потерях Сертория. В действительности же Серторий избегал сражения с Метеллом, так как понимал, что неминуемо потерпит поражение, а Метелл не искал этого сражения, так как, исходя из нашего видения, непобежденный и авторитетный Серторий нужен был Риму в качестве приманки для Митридата. Характерны в этом смысле следующие действия Метелла: прибыв в Испанию, он стал поджигать села и крепости и опустошать огнем покинутые после бегства земледельцев хозяйства, но не заходил далеко⁹⁴; он также ввел налоги⁹⁵. В совокупности они, естественно, повысили симпатии местного населения к Серторию.

Пропретором Ближней Испании в 78 г. был назначен Кв. Калидий⁹⁶, человек из окружения Метелла⁹⁷, который в 81 г. доставлял Мурене в Азию приказ Суллы о действиях по отношению к Митридату⁹⁸. В Испании он занимался вымогательством, за которое был осужден по возвращении в Рим, что, по мнению Шультена, также облегчило серторианцам овладение провинцией⁹⁹.

В разгар вызванного мятежом Лепида кризиса в Рим для заключения мирного договора от Митридата и прибыло упомянутое выше второе посольство. Послы Митридата, которым преторы отказали в аудиенции в сенате¹⁰⁰, были вынуждены вернуться обратно ни с чем. Тогда раздосадованный Митридат (ему пришлось освободить силой захваченные земли, ничего не получив взамен) подговорил своего зятя Тиграна II, армянского царя, как бы по собственной инициативе напасть на Каппадокию. Захватив ее, Тигран переселил около 300 тысяч человек в свою столицу Тигранокерт¹⁰¹.

Казалось, что теперь, когда напряженность из-за мятежа Лепида в Риме спала, подосланные к Митридату Л. Магий и Л. Фанний сумели войти к нему в доверие, а Серторий уже второй год «успешно» сражается против Метелла, пора было подталкивать понтийского царя к союзу с серторианцами. Однако имелись доводы о преждевременности такого шага в 77 г.

---

⁹² Plut. Sert. 13.

⁹³ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 143.

⁹⁴ Sall. Hist. I. 112.

⁹⁵ Caes. Hisp. 42. 2.

⁹⁶ Ps.-Asc. 219 St.

⁹⁷ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 147.

⁹⁸ App. I. 65.

⁹⁹ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 147.

¹⁰⁰ App. Mithr. 67.

¹⁰¹ App. Mithr. 67.

Во-первых, тяжелое поражение от ахейцев сделало Митридата настолько слабым, что он, ища твердого мира с Римом, оставил Каппадокию, фактически ничего не получив взамен. Поэтому вряд ли царь в ближайшее время решится на войну, что временно делает бесперспективными попытки Л. Магия и Л. Фанния подталкивать его к союзу с Серторием, который к тому же пока недостаточно известен в Понте. Кроме того, в случае войны именно в тот период Митридат вряд ли сумеет привлечь на свою сторону таких союзников в Азии, которые согласились бы сражаться против Рима под его началом. Вообще, по логике Рим должен был объявлять войну захватившему Каппадокию Тиграну, который, однако, представлял самостоятельную и значительную силу. Для римлян это был противник, с которым нужно соблюдать предельную осторожность, тем более партия против Митридата не завершена. Поэтому целесообразным представлялось дать понтийскому царю возможность усилиться, привлечь под свое начало множество азиатских народов и затем воевать с ним.

Кроме этого, у Помпея был, на первый взгляд, личный мотив для откладывания войны с Митридатом: он, не прошедший службы в магистратурах, вряд ли мог рассчитывать, в обход большого числа видных римлян, получить от сената назначение на пост главнокомандующего в этой войне. Только Сулла своим волевым решением мог бы добиться этого назначения для него, как в свое время разрешил ему триумф. Однако теперь, когда диктатора не было в живых, Помпею нужно было что-то предпринимать для этого назначения. Естественным представлялось добиваться назначения военачальником на войну с Серторием, так как слава, завоеванная Помпеем в Испании, позволит добиться того, что «наверняка его, и никого другого, тотчас изберут полководцем для войны с Митридатом»¹⁰².

Пожалуй, одним из главных достижений в ходе мятежа Лепида для Помпея стало то, что он на законных основаниях (по требованию сената) вернул себе командование над своими легионами. Катул после бегства Лепида требовал от Помпея роспуска легионов, но был проигнорирован под различными предлогами¹⁰³, наиболее удобным из которых представляется, что утверждение, будто мятеж Лепида подавлен, являлось преувеличением, так как мятежники покинули Италию, не понеся никакого урона, между тем сенат потребовал от Помпея именно подавления мятежа. Из этого обстоятельства он решил извлечь еще большую выгоду. Присоединив остатки войск Лепида к своему отряду, Марк Перперна Вейентон – марианец, который еще в 82 г. без боя уступил Помпею Сицилию¹⁰⁴, – переправился в Ли-

---

¹⁰² Plut. Luc. 5.

¹⁰³ Plut. Pomp. 17.

¹⁰⁴ Plut. Pomp. 10. А.В. Короленков высказывает предположение, что Перперна, внесенный Суллой в проскрипционный список, уцелел «благодаря тайному соглашению с Помпеем о

гурию¹⁰⁵. Прибыв с богатой казной и большим войском в Испанию, Перперна заявил, что будет воевать против Метелла, при том, что его воины стали выражать недовольство и непрерывно твердить о желательности объединения с Серторием¹⁰⁶. В Риме, между тем, распространились слухи, что Серторий и Перперна вместе собираются идти походом на Италию¹⁰⁷. «К этому они [люди Помпея] распространяли ложные слухи, представляя неудачи [Метелла] в виде ошибок, удачи в виде случайности, счастье в виде безрассудства»¹⁰⁸. Напуганный сенат решил срочно направить в Испанию дополнительные войска¹⁰⁹. Оба «храбрейших и прославленных»¹¹⁰ консула 77г., Мамерк Эмилий Лепид Ливиан и Децим Юний Брут, отказались принять командование¹¹¹. Это дало державшему свои легионы под Римом Помпею повод добиваться должности главнокомандующего в войне с Серторием, причем в ранге проконсула, который по закону полагался лишь бывшим консулами¹¹². Обоснование было, скорее всего, следующим: (1) сенат поручил Помпею подавить мятеж Лепида, (2) основные силы которого бежали под власть Перперны, который, (3) прибыв в Испанию, собирается воевать против Метелла, который, в свою очередь, (4) был направлен сенатом сражаться против Сертория. Так как, (5) солдаты подталкивают Перперну на объединение с Серторием, то сенат должен дополнить мандат на подавление мятежа Лепида поручением Помпею борьбы с Серторием. Кроме того, так как (6) сенат, в принципе согласившийся послать в Испанию дополнительные войска, выразил готовность назначить командовать ими обоим консулов, которые, однако, отказались от этого назначения, то (7) Помпей, который согласен принять командование потому, что от него все отказались¹¹³, должен быть назначен военачальником в ранге проконсула*. Учитывая эти доводы, а также фактическую угрозу стоявших под стенами Рима помпеевых легионов¹¹⁴, сенат вынужден был утвердить соответствующее решение, внесенное Луцием Филиппом¹¹⁵. «Рассказывают, что когда кто-то с удивлением спросил Филиппа в сенате, неужели он считает нужным облечь Помпея консульскими полномочиями, или, как говорят в Риме,

---

своей личной безопасности, в обмен на что сдал ему без боя Сицилию» (Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с.264-265).

¹⁰⁵ Oros. V, 24, 16.

¹⁰⁶ Plut. Sert. 15.

¹⁰⁷ App. I. 108.

¹⁰⁸ Sall. Hist. II. 15.

¹⁰⁹ App. I. 108.

¹¹⁰ Cic. De imp. Pomp. 62.

¹¹¹ Cic. Phil. XI. 18.

¹¹² Plut. Pomp. 17.

¹¹³ Dio. XXVI. 25. 3.

* По Ливию, Помпей был послан в Испанию с консульскими полномочиями. Liv. Per. XCI.

¹¹⁴ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 199.

¹¹⁵ Plut. Pomp. 17.

послать его вместо консула, Филипп отвечал: „Нет, вместо обоих консулов”, – желая дать понять этим, что оба тогдашних консула – полнейшие ничтожества»¹¹⁶. Позднее, по поводу полученной должности проконсула в письме в сенат Помпей напишет: «от вас получил всего только пустое название своей власти»¹¹⁷.

Получив соответствующие полномочия, после сорокадневных сборов Помпей не спеша отправился со своими легионами в Испанию. Через Альпы он прошел не традиционной дорогой, по которой шел в свое время Ганнибал, а проложил другую дорогу около истоков Родана и Эридана, которые вытекают из Альпийских гор в недалеком расстоянии друг от друга¹¹⁸. Перперна, как только стало известно, что Помпей переходит через Пиренеи, уступил требованиям солдат и сразу повел их на соединение с Серторием¹¹⁹. Водворив по пути спокойствие в Галлии¹²⁰, Помпей прибыл в Испанию к началу 76 г.¹²¹ С появлением в Испании Помпея, «Метелл, вопреки всем ожиданиям, целиком предался распутной жизни и удовольствиям, нрав его внезапно переменился, он сделался тщеславным и расточительным, и это обстоятельство лишь увеличивало громкую известность Помпея, принося ему расположение сограждан, так как он стремился показать простоту своего образа жизни, что, конечно, не стоило ему больших усилий»¹²². Серторий же о прибытии Помпея презрительно заметил, что «ему было бы не нужно другого оружия, кроме розги и плетки, против этого мальчишки, если бы он не боялся той старухи [Метелла]»¹²³.

Согласно источникам, в течение 76 г. произошло только одно крупное столкновение – при осажденном Серторием Лавроне, куда явился Помпей. Здесь Помпея постигла «совершенно неожиданная неудача». С тридцатью тысячами пехоты и тысячей всадников Помпей блокировал под стенами города Сертория, имевшего шестьдесят тысяч пехоты и восемь тысяч всадников¹²⁴. Помпей отправил гонца к жителям Лаврона – «пусть-де они уповают на успех и с городских стен наблюдают, как он станет осаждать Сертория»¹²⁵. Последний же перевел основную часть своего войска в новый лагерь, а оставленным в старом шести тысячам тяжеловооруженных воинов приказал ударить в тыл Помпею, как только он двинется на Сертория. Оп-

---

¹¹⁶ Plut. Pomp. 17.

¹¹⁷ Sall. Hist. II. 98. 4.

¹¹⁸ App. I. 109.

¹¹⁹ Plut. Sert. 15.

¹²⁰ Cic. De imp. Pomp. 30; Sall. Hist. II. 22.

¹²¹ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 200.

¹²² Plut. Pomp. 18.

¹²³ Plut. Pomp. 18.

¹²⁴ Oros. V. 23. 9.

¹²⁵ Plut. Sert. 18.

равдываясь нежеланием попасть в окружение, Помпей так и не начал штурма.

По Фронтину¹²⁶, по соседству с лагерем Помпея было только два района, откуда можно было добывать провиант. Легко вооруженные отряды серторианцев постоянно нападали на фуражиров только у ближайшего района. Когда помпеянцы, убедившись с безопасности дальнего района, направились туда, Серторий приказал Грецинию с десятью когортами, вооруженными по римскому образцу, и Тарквинию Приску с двумя тысячами всадников устроить засаду фуражирам. Испанцы неожиданно напали на нагруженных провиантом помпеянцев. На помощь фуражирам Помпей сначала выслал легион с Д. Лелием, а затем намеревался вывести все свое войско. Однако появление на холмах с тыла легионов Сертория заставило Помпея вернуть свои легионы в лагерь¹²⁷.

Вскоре после этого Помпей, не вмешиваясь, наблюдал падение города, ибо его жители, отчаявшись, сдались Серторию, который отпустил всех, сохранив жизнь, но сам город предал огню.

О потерях Помпея под Лавроном источники не дают единого представления. Фронтин, ссылаясь на Ливия, утверждает, что при указанной стычке войско Помпея потеряло 10 тысяч человек и весь обоз; Аппиан – что «Серторий перебил весь его легион, вышедший за фуражом, с вьючными животными и обозной прислугой»¹²⁸. Однако Плутарх о потерях при этой осаде, единственном известном столкновении между Помпеем и Серторием, которое исследователи относят к 76 г., равно как и о какой-либо стычке, ничего не сообщает¹²⁹. Ливий, на которого ссылается Фронтин, в Периохах лаконично сообщает лишь о захвате Серторием нескольких городов и подчинении многих племен¹³⁰.

Серторий кичился, что «им был побежден Помпей, то есть тот полководец римлян, которого, наделенного недюжинной самоуверенностью, на эту войну „Рим отправил не вместо консула, а вместо консулов”»¹³¹. После

---

¹²⁶ Front. II. 5. 31.

¹²⁷ По поводу этого столкновения при Лавроне А.В. Короленков пишет: «Неясно, почему Серторий не нанес удар с холмов, а лишь предупредил противника о том, что может это сделать. Видимо, он не был уверен, что сможет одновременно вести бой с окруженными им отрядами врага и основными силами Помпея. Но тогда не совсем понятно, почему последний не рискнул дать бой, если Серторий проявил столь очевидную слабость. Надо полагать, и сенатский полководец не был уверен в своих силах». Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 204-205. Ф.О. Спанн пишет, что «одна из великих тайн всей войны, почему Помпею удалось избежать полного разгрома после поражения при Лавроне». Цит. По: Короленков А.В. ... с. 205.

¹²⁸ App. I. 109.

¹²⁹ В жизнеописании Сертория у Плутарха вообще нет данных о численности погибших в сражениях, а у Помпея – он пишет лишь о десяти тысячах погибших серторианцах у Валентии.

¹³⁰ Liv. Per. XCI.

¹³¹ Oros. V. 23. 8.

падения Лаврона испанцы заговорили, что «Помпей был поблизости [Лаврона] и разве что только не грелся у пламени, пожиравшего союзный город, но на помощь не пришел». Жители многих подчинявшихся Серторию городов, которые ранее, с уважением взирая на Помпея, готовы были перейти на его сторону, оставили эти мысли.

Следующий, 75, год А.В. Короленков справедливо назовет «годом битв». Сначала у Валентин Помпей разгромил полководцев Сертория Геренния и Перперну, перебив при этом свыше десяти тысяч человек¹³². Под Италикой в Бетике Метелл нанес сокрушительное поражение Гиртулею¹³³. По Фронтину, причиной поражения стало то, что до начала битвы в шесть часов вечера Гиртулей с рассвета держал в боевом порядке свои войска под палящим солнцем, из-за чего его солдаты вступили в сражение уже изнуренными¹³⁴. Кроме того, уже во время сражения Метелл, обнаружив, что сильнейшие когорты противника размещены в центре, отвел свой центр назад, с тем, чтобы пустить его против врага лишь после того, как, сомкнув фланги, окружит со всех сторон центр неприятеля¹³⁵. Бой был настолько горячим, что Метеллу копье попало в плащ, а Гиртулею – в руку¹³⁶. В сражении погиб один из братьев Гиртулеев¹³⁷, а серторианцы потеряли двадцать тысяч солдат.

Очередное крупное сражение произошло также в вечернее время у реки Сукрон¹³⁸. Серторию, командовавшему правым флангом, противостоял фланг под началом Афрания¹³⁹, тогда как Помпей на правом крыле римских войск¹⁴⁰ сражался, видимо, с Перперной¹⁴¹. Сражавшиеся против Помпея испанцы, не выдержав натиска римлян, стали отступать. Лишь прибытие сюда Сертория, который, остановив бегущих воинов, вдохнул в них мужество и снова ударил по Помпею, преследовавшему испанцев, переломило ситуацию. На сражавшегося верхом Помпея набросился огромного роста вражеский пехотинец. В рукопашной схватке Помпей получил ранение, а своему противнику он отрубил руку. Затем на него бросилось еще несколько ливийских воинов. Римляне стремительно обратились в бегство. Помпею чудом удалось спастись. Он бросил врагам своего богато украшенного коня и скрылся, пока враги, увлекшись разделом добычи и спорами, прекратили преследование. Между тем, Афраний опрокинул покинутые Серто-

---

¹³² Plut. Pomp. 18; Sall. Hist. II. 98. 6.

¹³³ Oros. V. 23. 10.

¹³⁴ Front. II. 1. 2.

¹³⁵ Front. II. 3. 5.

¹³⁶ Sall. Hist. II. 59.

¹³⁷ Liv. Per. XCI; Oros. V. 23. 10.

¹³⁸ Plut. Sert. 19; Liv. Per. XCII; App. I. 110.

¹³⁹ По Аппиану, Метелл. App. I. 110.

¹⁴⁰ Plut. Sert. 19.

¹⁴¹ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 210.

рием отряды и, погнав их к лагерю, ворвался туда на плечах врага. Его воины тут же принялись грабить лагерь. Казалось, что в этом сражении серторианцы потерпят сокрушительное поражение. Однако тут в лагерь вернулся Серторий, добившийся на левом фланге победы над Помпеем, и напал на воинов Афрания, которые в своих бесчинствах растеряли боевой дух, и многих из них перебил¹⁴². В этом сражении потери помпеянцев составили десять тысяч человек¹⁴³. На следующий день войска противников снова выстроились в боевой порядок. Однако прибытие Метелла заставило Сертория отступить: «Когда бы не эта старуха [Метелл], я отстегал бы того мальчишку [Помпея] и отправил его в Рим». Он приказал своему войску рассеяться и позже вновь собраться в условленном месте¹⁴⁴.

После битвы у Сукрон войска Помпея и Метелла встретились. Помпей «приказал ликторам опустить связки прутьев в знак уважения к Метеллу как к человеку, облеченному более высоким званием. Метелл, однако, отклонил эту честь и, хотя занимал прежде должность консула и по возрасту был гораздо старше, во всем проявлял по отношению к своему молодому товарищу дружелюбие и предупредительность, не требуя для себя никаких преимуществ, за исключением лишь того, что во время совместной стоянки лагерем пароль обоим войскам давал Метелл»¹⁴⁵.

Последнее известное нам сражение под началом Сертория произошло в Сегунтийской долине¹⁴⁶, где он вынужден был сразиться с армиями Метелла и Помпея. Лично сражаясь на коне, Серторий нанес поражение Помпею, который потерял убитыми до шести тысяч человек, в том числе Меммия, мужа сестры, близкого друга и помощника. Потери Сертория составили три тысячи человек.

Метелл между тем нанес поражение Перперне, убив около пяти тысяч человек¹⁴⁷. Серторий бросил силы против Метелла. Раненного копьем полководца римляне, оградив щитами, вынесли с поля брани, и затем, предприняв ответную атаку, оттеснили серторианцев¹⁴⁸. Вечером следующего дня Серторий предпринял атаку лагеря Метелла, однако наступление Помпея вынудило его отступить¹⁴⁹. Серторий вынужден был укрыться в надежно защищенном городе, расположенном в горах, где стал приводить в поря-

---

¹⁴² Plut. Sert. 19. По Аппиану, «резня с обеих сторон была жестокая до тех пор, пока Метелл не обратил в бегство Перпенну и не подверг разграблению его лагерь, а Серторий одержал победу над Помпеем, причем последний был опасно ранен в бедро копьем. Это положило конец сражению» App. I. 110.

¹⁴³ Oros. V. 23. 11.

¹⁴⁴ Plut. Sert. 19; Plut. Pomp. 19.

¹⁴⁵ Plut. Pomp. 19.

¹⁴⁶ Plut. Pomp. 21.

¹⁴⁷ App. I. 110.

¹⁴⁸ Plut. Pomp. 21.

¹⁴⁹ App. I. 110.

док стены и укреплять ворота¹⁵⁰. Помпей и Метелл предоставили ему возможность беспрепятственно выйти из окружения, хотя Плутарх приписывает это хитрости Сертория: «Римляне осадили его, рассчитывая без труда взять этот город, а на убежавших варваров не обращали внимания и пренебрегали тем, что войска вновь собирались на помощь Серторию. Войска действительно прибывали, так как Серторий разослал командиров по городам. Он приказал сообщить ему, когда число воинов станет достаточно большим. Как только прибыл гонец, Серторий без особых усилий пробился через кольцо врагов и соединился со своими»¹⁵¹.

«Таковы были военные действия в течение лета. Зима снова разъединила врагов»¹⁵². Военная кампания 75 г., а вместе с ней и военная кампания самого Сертория, закончилась. Касаясь самого дискуссионного вопроса серторианской войны – времени смерти Сертория И.Г. Гурин пишет: «Если нам мало что известно о военных операциях 73 г. (на самом деле это относится и к 74 г.), то это отнюдь не означает, что смерть Сертория произошла в начале этого года. Наоборот, можно сказать, что после прибытия в 74 г. из Италии подкреплений Метеллу и Помпею в Испании не было больше битв, которые Плутарх счел бы достойными упоминания, скорее всего, Серторий должен был ограничиться партизанской войной, о чем и сообщает Аппиан»¹⁵³. Ответ на вопрос о времени гибели Сертория следует неразрывно искать в связи с целью, ради которой эта война была предпринята: создать приманку для Митридата. Если бы понтийский царь не попался на эту уловку, то движение Сертория было бы распущено гораздо раньше.

Обратим внимание на следующие факты этой войны. До прибытия Помпея в Испанию все победы над римлянами одерживали только легаты Сертория, тогда как об участии в сражениях самого Сертория ничего не известно. После же появления здесь Помпея серторианские легаты не смогли одержать верх ни в одном сражении. За всю войну лично Серторий одерживал победы исключительно над Помпеем (в 76 г. под Лавроном, в 75. г. у Сукрона и в Сегунтийской долине). То, что пик сражений пришелся на 75 г. говорит, на наш взгляд, о следующем: как только Помпей прибыл к 76 г. в Испанию и весной потерпел от Сертория первое «поражение» под Лавроном, он тут же вышел на связь с Л. Магием и Л. Фаннием, поступившими на службу к Митридату, чтобы ко времени активных сражений в Испании они были готовы начать подталкивать Митридата к союзу с Серторием. На путешествие из Испании в Понт и обратно требовалось по меньшей мере три месяца¹⁵⁴, что и обуславливало перенос на весну 75 г. начала основных

---

¹⁵⁰ Plut. Pomp. 21.

¹⁵¹ Plut. Pomp. 21.

¹⁵² App. I. 110.

¹⁵³ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 237.

¹⁵⁴ Sall. Hist. II. 79.

сражений серторианской войны. Именно в год избрания консулами Лициния Лукулла и Марка Котты (75 г.) «многие [в Риме] стремились снова разжечь войну с Митридатом»¹⁵⁵.

В 75 г. неожиданно умирает царь Вифинии Никомед IV Филопатор, незаконнорожденный сын царя Никомеда III и танцовщицы Нисы, который правил с 94 г. исключительно благодаря поддержке Рима. Согласно его завещанию, его царство переходило во владение римского народа¹⁵⁶. Подобный оборот событий был для Митридата достаточным поводом к новой войне с Римом.

После «победных» сражений 75 г. **«громкая слава Сертория разнеслась повсюду; приплывавшие с Запада наводнили молвой о нем, словно иноземными товарами, весь Понт»**¹⁵⁷. Сюда доходили сведения и слухи, что в Испанию для борьбы с сулланским Римом под начало Сертория издалека и из разных областей стекались изгнанники всего мира¹⁵⁸. Серторий создал там сенат, в состав которого вошли бежавшие из Рима и присоединившиеся к нему сенаторы, из которых он назначал квесторов и преторов и во всем действовал в соответствии с отеческими обычаями, а опираясь на вооруженные силы, денежные средства и города испанцев, он даже не делал вида, что допускает их к высшей власти¹⁵⁹. Против него Сулла послал знаменитого Метелла, который не смог справиться с ним. «До той поры, покуда противником Сертория был Метелл, казалось, что успехи испанцев объясняются в первую очередь старостью и природной медлительностью римского военачальника, неспособного соперничать с отважным полководцем, за которым шли отряды, состоявшие скорее из разбойников, нежели из воинов. Когда же Серторию пришлось встретиться с перешедшим через Пиренеи Помпеем [Великим] и оба они проявили полководческое искусство, только Серторий превзошел противника и умением применять военные хитрости, и предусмотрительностью, – тут же, действительно, молва о нем дошла до Рима, и его стали считать способнейшим из современных полководцев»¹⁶⁰. «Серторий вытеснил обоих полководцев из подвластной ему Испании: он перерезал пути подвоза продовольствия, опустошал страну и господствовал на море, и из-за недостатка съестных припасов они вынуждены были отступить в другие провинции»¹⁶¹. Наверняка говорили, что Помпей Великий «писал сенату, что отведет из Испании войска, если ему не будут присланы деньги, ибо свое состояние он уже исчерпал во время

---

¹⁵⁵ Plut. Luc. 5.

¹⁵⁶ App. I. 112; Liv. Per. XCIII.

¹⁵⁷ Plut. Sert. 23.

¹⁵⁸ Sall. Hist. II. 13-14.

¹⁵⁹ Plut. Sert. 22.

¹⁶⁰ Plut. Sert. 18.

¹⁶¹ Plut. Pomp. 19.

прежней войны за Италию. В Риме упорно поговаривали, что Серторий раньше Помпея Великого явится в Италию. Вот до чего довело первых и влиятельнейших полководцев того времени искусство Сертория!»¹⁶². Прославленный Метелл так напуган Серторием и настолько высоко его ценит, что объявил через глашатаев, что «римлянину, который покончит с Серторием, он выдаст сто талантов серебра и земли двадцать тысяч югеров, а если это совершит изгнанник, ему будет даровано право вернуться в Рим. Намереваясь купить голову Сертория при помощи предательства, Метелл тем самым обнаружил, что не надеется победить в открытой борьбе»¹⁶³. «Более того, разбив Сертория в каком-то сражении [о котором источники ничего не сообщают], он [Метелл] настолько возгордился и так восторгался своим успехом, что позволил назвать себя императором, а города, куда он прибывал, устраивали в его честь жертвоприношения и воздвигали жертвенники. ... Тем самым, конечно, он выставлял себя в смешном виде, поскольку так возгордился и радовался, одержав победу над отступавшим Серторием, которого сам обзывал беглецом, избежавшим руки Суллы, и последышем рассеянных сторонников Карбона»¹⁶⁴.

Сообщая все это, понтийского царя одновременно стали подталкивать к идее о желательности и целесообразности заключения с Серторием военного союза против Рима. «Льстецы говорили [Митридату], что стоит только вступить в союз способнейшему полководцу с величайшим среди царей – и римляне не выдержат, вынужденные вести войну против двух столь одаренных людей и двух таких армий»¹⁶⁵. Они уподобляли Сертория Ганнибалу, а Митридата – Пирру. Среди этого хора голосов «двое Люциев ... Магий и Фанний, [также] стали убеждать Митридата заключить союз с Серторием, внушая ему большие надежды относительно Азии и ближайших к ней племен»¹⁶⁶. «Убедившись в том, что победы Сертория отнюдь не временное явление, Митридат принимает решение заключить с ним военный союз»¹⁶⁷, т.е. решается на «мудрое военное вложение»¹⁶⁸.

В 75 г.¹⁶⁹ Митридат отправил в Испанию послов с адресованными Серторию письмами и с предложениями, которые они должны были передать

---

¹⁶² Plut. Sert. 21.

¹⁶³ Plut. Sert. 22.

¹⁶⁴ Plut. Sert. 22.

¹⁶⁵ Plut. Sert. 23.

¹⁶⁶ App. I. 68.

¹⁶⁷ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М. 1996. с. 91.

¹⁶⁸ Bennett W.H. The Death of Sertorius and the Coins // *Historia*. 1961. Bd. 10. P. 468. Not. 78.

¹⁶⁹ По поводу времени отправки посольства мы солидаризируемся с приведенными А.В. Короленковым аргументами: «Обычно со ссылкой на Цицерона (*Verr.*, II, I, 87. Эпизод речи о передаче в 80 или 79 г. Верресом корабля Л.Манию и Л.Фанию) предполагается, что уже в 79г. установились связи между Серторием и Митридатом. Думается, однако, что правы те

ему на словах¹⁷⁰. В общих чертах, царь предлагал Серторию помощь деньгами и кораблями, а взамен просил, чтобы он уступил всю Азию, которую, по заключенному с Суллой договору, Митридат ранее отдал римлянам¹⁷¹.

В переговорах с Митридатом натура Сертория проявилась во всей красе¹⁷². Узнав, что слава о нем достигла даже Понта, преисполненный гордостью Серторий созвал сенат для обсуждения предложений царя¹⁷³. Все присутствующие на обсуждении сразу стали рекомендовать принять и одобрить предложения царя. Говорили, что они уступают Митридату ничего не означающее имя и права на то, что им самим не принадлежит, а взамен получают самое для них необходимое. Однако Серторий отказался безоговорочно принять предложенные условия. Он не возражал против передачи Митридату Вифинии и Каппадокии, так как народы, обитающие там, привыкли к царской власти и никак не связаны с римлянами. «Но ведь Митридат, – продолжал он, – захватил и удерживал под своей властью также и провинцию, которая досталась римлянам наизаконнейшим путем, а потом, когда Фимбрия выгнал его оттуда, он сам, заключив договор с Суллой, отказался от нее. Я не могу смотреть равнодушно, как эта провинция вновь переходит под власть Митридата. Нужно, чтобы твои победы увеличивали мощь твоей страны, но не следует искать успеха за счет владений отечества, ибо благородный муж жаждет только той победы, которая одержана честно, а ценой позора он не согласится даже спасти себе жизнь»¹⁷⁴.

Впоследствии, когда послы вернутся и расскажут о реакции Сертория на предложения царя, Митридат с изумлением обратится к окружающим со словами: «Какие же требования предъявит к нам Серторий, воссев на Палатинском холме, если теперь, загнанный к самому Атлантическому морю, он устанавливает границы нашего царства и грозит войной, если мы попытаемся занять Азию?»¹⁷⁵ А пока, как мы полагаем, сразу же после неудачных переговоров с Серторием послы прибыли для консультаций к Помпею¹⁷⁶. Узнав детали, в вопросах географии Помпей предоставил Магию и Фаннию карт-бланш, главное для него было добиться, чтобы Серторий отправил на

исследователи, которые относят возникновение этих контактов к 76-75 гг. Цицерон сообщает лишь о приобретении Магием и Фаннием, будущими послами Митридата к Серторию, корабля, на котором они плавали в Испанию. Но это не значит, что тогда же они отправились к Серторию с дипломатической миссией. К тому же в 79 г. Серторий представлял слишком незначительную величину, чтобы интересовать Митридата. В это время царь добивался ратификации Дарданского мира, чему связи с Серторием могли только помешать» (Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 160).

¹⁷⁰ App. I. 68; Oros. VI. 12; Plut. Sert. 23.

¹⁷¹ Plut. Sert. 23.

¹⁷² Plut. Sert. 23.

¹⁷³ App. I. 68; Plut. Sert. 23.

¹⁷⁴ Plut. Sert. 23.

¹⁷⁵ Plut. Sert. 24.

¹⁷⁶ Cic. De imp. Pomp. 46.

службу к Митридату значительный отряд римских легионеров или, еще лучше, военных специалистов, а взамен – получил крупную сумму денег. С поставленной задачей посланники справились блестяще. Соглашения были заключены на следующих условиях¹⁷⁷: (1) Каппадокия и Вифиния будут принадлежать Митридату¹⁷⁸, (2) Серторий пришлет ему полководца Мария и воинов и, в свою очередь, (3) получит от Митридата три тысячи талантов и сорок кораблей. Появление в условиях соглашения пункта об отправке на восток отряда серторианцев и назначения присланного Серторием Мария главнокомандующим понтийскими войсками целиком было заслугой проинструктированных Помпеем переговорщиков. Напомним, что в изначальных предложениях царь предлагал Серторию деньги и корабли в обмен на признание его прав в Азии, т.е. основательно подготовленный к войне Митридат не испытывал недостатка в людских и кадровых ресурсах. С другой стороны, в борьбе с Метеллом и Помпеем вынужденно, из-за ограниченности собственных ресурсов, применяющему тактику партизанской борьбы Серторию вряд ли могло прийти в голову предложить отправить к Митридату войска, да еще и главнокомандующего.

По-видимому, в немалой степени этому способствовало то, что Л. Магий и Л. Фанний смогли убедить Митридата ввести римские порядки в своих войсках¹⁷⁹, и тем самым обосновать целесообразность приглашения военных советников из штаба Сертория.

Несколько слов следует сказать о Марке Марии. Он был бежавшим из Рима сенатором¹⁸⁰, вероятно, родственником Гая Мария. Есть предположение, что в Испанию М. Марий прибыл вместе с Перперной¹⁸¹. О его участии в боевых действиях во время серторианской войны известно лишь, что весной 75 г. он, будучи в ранге квестора, по поручению Сертория производил набор и заготовку продовольствия в землях ареваков и цериндонов¹⁸². В начале Третьей митридатовой войны Марий помог царю взять некоторые города в Азии. Плутарх говорит, что «когда Марий въезжал туда, окруженный прислужниками, несшими связки розог и секиры, Митридат уступал ему первенство и следовал за ним, добровольно принимая облик подчиненного»¹⁸³. Кроме того, именем Сертория Марий даровал одним городам вольности, другие освобождал от уплаты налогов, так что «Азия, которая перед этим вновь испытала притеснения сборщиков податей, равно как и

---

¹⁷⁷ Plut. Sert. 24.

¹⁷⁸ По Аппиану также Азия, Пафлагония и Галатия (App. Mithr. 68).

¹⁷⁹ Plut. Luc. 7.

¹⁸⁰ Plut. Sert. 24.

¹⁸¹ Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с. 262.

¹⁸² Liv. XCI.

¹⁸³ Plut. Sert. 24.

алчность и высокомерие размещенных в ней воинов, жила теперь новыми надеждами и жаждала предполагаемой перемены власти»¹⁸⁴.

Так как в Испании Помпей не получал из Рима средств на содержание своей армии и истратил на эту войну уже большую часть своего имущества, он стал требовать деньги у сената. Соответствующее письмо Помпея (о нем мы писали выше), заканчивавшееся неприкрытой угрозой («если вы не придете мне на помощь, то против моей воли, но после предупреждения с моей стороны, войско, а вместе с ним и вся испанская война, переправится в Италию») было зачитано в сенате в начале 74 г.¹⁸⁵ Оба консула Луций Лукулл и Марк Котта, «сильно встревоженные сообщениями в письме Помпея, стали как ради общего блага, так и для того, чтобы не потерять, в случае привода войска в Италию, ни своего доброго имени, ни консульского своего достоинства, всеми способами собирать деньги для жалования солдатом Помпея и производить дополнительный набор войска. При этом особенно проявляла много энергии знать, большинство *представителей* которой давали тогда выход своему негодованию в словах, а слова сопровождали соответствующими поступками»¹⁸⁶.

Серторианская война как никакая другая, при всем относительном богатстве сведений о ее событиях, оставляет дискуссионным вопрос о хронологии. Исследователи в обязательном порядке уделяют отдельное внимание вопросам хронологии Серторианской войны. Одной из наиболее острых стала дискуссия о времени смерти Сертория. Диапазон мнений составляет от 74 до 72 гг. Между тем если мы утверждаем, что война в Испании изначально была контролируемой Римом, то для определения времени гибели Сертория целесообразно задаться вопросом: когда Риму была выгодна его смерть? Если наше утверждение о том, что главной целью войны в Испании было получение контроля над Митридатом ко времени следующей войны с Понтом, то успешное внедрение в его окружение Л. Магия и Л. Фанния, а также назначение Митридатом Мария одним из главнокомандующих своей армии, означает, что успех миссии этих римлян при понтийском дворе в полной мере зависел от степени доверия к ним Митридата. Так как это доверие зиждилось на сведениях об успешной борьбе Сертория с Римом, то очевидно, что смерть последнего до достижения нужного Риму результата в войне с Понтом была нежелательной. Таким образом, формальное завершение серторианской войны должно было зависеть от времени генерального сражения в Азии.

---

¹⁸⁴ Plut. Sert. 24.

¹⁸⁵ Sall. II. 98. 10.

¹⁸⁶ Sall. II. 98. D. 10-20.

После того, как для Рима удачно завершились переговоры Митридата с Серторием, необходимость в ведении показательных кровопролитных сражений в Испании отпала. Зимой 74 г. Метелл провел в Галлии, а Помпей – в области вакцеев, страдая от нехватки припасов¹⁸⁷. В течение всего года полевых сражений в Испании не было¹⁸⁸. Согласно Аппиану, в 74 г. Метелл захватил множество городов, поддерживавших ранее Сертория, а Помпей неудачно осаждал Палланцию, которую оставил с появлением здесь Сертория и отошел к Метеллу. После удачи у Палланции, Серторий, напав около местечка Калачур на римский лагерь, убил 3 000 человек¹⁸⁹.

«Метелл, соединившись с войском Помпея против Сертория, часто выстраивал свое войско, но неприятель уклонялся от боя, считая себя не в силах меряться с двумя армиями. Через некоторое время Метелл заметил, что серторианские воины сильно разъярились, рвутся в бой, выставив плечи и потрясая копьями. Он решил, что надо уступить их пылу вовремя, и отвел свое войско»¹⁹⁰. Фактически Метелл создавал видимость готовности сразиться, в действительности же он избегал сражения с Серторием. Этому примеру Метелла следовал и Помпей¹⁹¹.

В это же время начинают кардинально меняться настроения в лагере Сертория. Многие из его войска стали перебегать к Метеллу¹⁹² и Помпею¹⁹³. Разгневанный этим Серторий жестоко и по-варварски поносил перебежчиков, чем навлекал на себя еще большую ненависть. Ливий сообщает, что многих своих друзей и товарищей по опале Серторий казнил по ложному обвинению в измене¹⁹⁴. Сенаторы и другие знатные лица из его окружения стали открыто проявлять свое недовольство Серторием и тем, что он привлекает на руководящие посты испанцев, а также тем, что, отстранив римлян, доверил собственную охрану кельтиберам¹⁹⁵. Недовольные настроения умело разжигались Перперной, который в тайных беседах распространялся: «Какой злой гений овладел нами и влечет от дурного к худшему? Мы ведь сочли недостойным остаться на родине и выполнять приказы Суллы, господина всей земли и моря, а явились сюда, где ждет нас верная гибель, ибо, рассчитывая жить свободными, мы добровольно стали свитой беглеца Сертория. Мы составили здесь сенат, и это название вызывает насмешки всех, кто его слышит, а вместе с тем на нас обрушиваются брань,

---

¹⁸⁷ Plut. Sert. 21.

¹⁸⁸ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 251.

¹⁸⁹ App. I. 112.

¹⁹⁰ Front. II. 1. 3.

¹⁹¹ Front. II. 1. 3.

¹⁹² App. I. 111.

¹⁹³ Cic. Verr. II. V. 153.

¹⁹⁴ Liv. Per. XCII.

¹⁹⁵ App. I. 111; Plut. Sert. 25.

приказы и повинности, словно на каких то испанцев и лузитанцев»¹⁹⁶. Параллельно, недовольные Серторием римляне стали от его имени налагать на местное население суровые наказания и высокие подати, что вызывало восстания и смуты в городах. Направляемые же для умиротворения ситуации посланники преднамеренно разжигали еще большее недовольство и усиливали неповиновение¹⁹⁷. Поддержка Сертория местными племенами стала стремительно таять, а многие города стали переходить на сторону сенатских полководцев¹⁹⁸. В ответ на это разгневанный Серторий, славившийся ранее терпимостью и мягкостью, приказал часть воспитывавшихся в Оске испанских мальчиков казнить, а оставшуюся – продать в рабство¹⁹⁹.

Казалось, что все шло словно по писанному, поле деятельности для Сертория стремительно сокращается, тем более что Митридат вторгся в Азию и третья митридатова война началась. Рим стал готовить легионы для отправки на Восток. И... вдруг в Испанию приходит известие, что «все сограждане в полном единодушии поручили ему [Лицинию Лукуллу!!!] Митридагову войну, считая, что никто другой не способен лучше довести ее до конца»²⁰⁰.

Когда Помпею сообщили об этом, то сначала он, должно быть, растерялся. Ведь именно он, Помпей, должен был получить этот пост. Неожиданное назначение Лукулла, да и любого другого кроме него самого, ставило Помпея в сложное положение. По плану завершение войны с Серторием увязывалось с началом кампании на Востоке. Теперь, когда в Италии для войны с Митридатом произведен набор, возникал вопрос, что ему делать с собственными легионами после подавления серторианцев. У него не было средств для выдачи им жалования, не говоря уже о земельных наделах, которых ждут от него солдаты. Нужно учесть, что война с Митридатом ожидалась скоротечной. Поэтому не исключено, что и для его ветеранов перепадет какая-то часть восточных богатств. Но... возмутительным было то, что ранее Помпею никто не сообщал о планах назначения Лукулла главнокомандующим. Помпей был поставлен перед фактом. Кто теперь гарантирует ему, что интересы его солдат будут учтены? Когда будет справляться богатый трофеями великолепный азиатский триумф, на котором будет проведен Митридат, о солдатах Помпея вряд ли кто вспомнит. Помпей имел обязательства перед своими солдатами. План войны с Митридатом был выдвинут им, в первую очередь, для выполнения этих обязательств. Лукулл же не имеет перед его солдатами, равно как и перед ним самим, никаких обязательств. Неужели он вынужден будет выступать в роли жалостливого

---

¹⁹⁶ Plut. Sert. 25.

¹⁹⁷ Plut. Sert. 25.

¹⁹⁸ App. I. 111.

¹⁹⁹ Plut. Sert. 25.

²⁰⁰ Plut. Luc. 6.

просителя за своих солдат, просителя у тех, кто фактически обманул его и кто благодаря его стараниям одержит победу над Митридатом?

Почему же вдруг Лукулл? Ведь изначально Лукуллу досталась в управление Галлия. Говорили, что, пустив в ход все средства, он сумел заполучить освободившуюся из-за смерти Октавия должность наместника в Киликии, соседствующей с Каппадокией, из-за которой собирался начать войну Митридат. Это наместничество гарантировало ему, что уже никого другого воевать с Митридатом не пошлют. Сообщали, что ради этого Лукулл прибегнул к помощи некоей Преции, которая имела неограниченное влияние на Цетега – трибуна, пользовавшегося тогда наибольшим влиянием в государстве: в общественных делах ничто не двигалось без участия Цетега, а у Цетега – без приказа Преции²⁰¹.

Но Помпей не мог поверить этой простоватой версии. Известно, что Цетег относился к Лукуллу довольно враждебно²⁰². Да и сам Лукулл выказал себя отважным, бескорыстным, справедливым и незлобивым гражданином, отличающимся постоянством²⁰³.

Перебирая варианты, которые могли бы открыть истинную подоплеку назначения Лукулла главнокомандующим на войну с Митридатом, Помпею стало очевидно, что только воля одного человека могла стоять за этим назначением: Суллы! Сначала тот под благовидным предлогом отказал Помпею в назначении командующим против Сертория. Тогда Помпей вынужден был потребовать для себя триумфа, на котором ему пришлось терпеть унижения от собственных солдат. Потом Помпей оказался вынужденным прибегнуть к услугам Лепида, против чего решительно возражал Сулла, и что после смерти Суллы чуть было не обернулось большой гражданской войной. Из-за конфликта по кандидатуре Лепида Сулла исключил Помпея из собственного завещания, назначив вместо него опекуном своего сына Лукулла. Того самого Лукулла, которого Сулла приблизил к себе и с самого начала постоянно доверял поручения особой важности²⁰⁴. Лукулла, к которому Сулла питал не меньшее благоволение, нежели к кому бы то ни было другому из своих друзей²⁰⁵. Лукулла, которому в знак своей привязанности Сулла посвятил свои «Воспоминания»²⁰⁶. Очевидно, что Сулла назначил Лукулла своим политическим наследником, который и должен был возглавить борьбу Рима с Митридатом. Этим объясняется то, что больше всего Лукулла тревожила слава, завоеванная Помпеем в Испании, которая должна была стать для последнего ключом к должности полководца для войны с

---

²⁰¹ Plut. Luc. 5, 6.

²⁰² Plut. Luc. 5.

²⁰³ Plut. Luc. 2, 4.

²⁰⁴ Plut. Luc. 2.

²⁰⁵ Plut. Luc. 4.

²⁰⁶ Plut. Sulla. 6.

Митридатом²⁰⁷. Уже после смерти Суллы солдафоны, введенные диктатором в сенат, цинично потребовали от Помпея подавить мятеж Лепида, а затем – распустить свои легионы. Лишь угрозой применить силу ему удалось тогда вырвать у сената назначение на войну с Серторием. После этого сенат не выделял средств на содержание армии Помпея, которому пришлось тратить для этого собственное имущество и влезть в долги. И вот теперь они назначают вместо него Лукулла на войну с Митридатом.

Что мог Помпей противопоставить такому обороту событий? Пожалуй, главное, что было в его распоряжении – его собственные легионы. Очевидно, что если сенат потребует их роспуска без соответствующего вознаграждения за службу, они поднимут бунт. Однако в этом случае Помпей уже вряд ли сможет привести их в повиновение, а, скорее наоборот, сам возглавит их и поведет на Рим, как в свое время поступил Сулла. Это был вполне вероятный, но все же крайний и нежелательный оборот событий. Теперь он знал тех, кто были его противниками в Риме, и тех, что сейчас гораздо важнее, на кого он может рассчитывать.

Первая задача, которая возникла теперь перед ним, – найти деньги в достаточном для решения проблем его солдат количестве. Очевидный и самый богатый источник попал в распоряжение Лукулла. Должен ли Помпей обращаться к нему за содействием? Только в последнюю очередь. Ему не зазорно будет просить денег у кого угодно, да хотя бы у тех же пиратов, которые его не подводили, но только не у Лукулла. Важным источником могли бы стать римские провинции, если добиться нужных назначений, т.е. нужно будет продвигать в магистратуры в Риме своих людей. Для этого, впрочем, открывались благоприятные возможности. Кампания против Митридата ожидалась стремительной, успешной и богатой. Многие сулланцы не упустят возможности принять участие в столь многообещающем предприятии. Поэтому позиции сулланцев в Риме должны были естественным образом ослабнуть. Для добычи денег Помпей решил, таким образом, действовать в двух направлениях: (1) добиваться назначения своих людей в доходные провинции и (2) договариваться с пиратами.

Если Помпею удастся решить поставленные выше две задачи, то очередной важной проблемой становилось создание законной базы под обеспечение его солдат землей. Для этого необходимо будет добиваться консульских полномочий. Политическая ситуация в Риме в тот период была довольно напряженной, так как плебс все настойчивее и агрессивнее требовал восстановления полномочий народных трибунов. В свое время Сулла, чтобы устранить возможность лишения его ветеранов полученных земельных наделов, лишил их права самостоятельно, без одобрения сената, вносить законопроекты в народное собрание. Теперь, по прошествии шести

---

²⁰⁷ Plut. Luc. 5.

лет, когда сулланские ветераны освоились на полученных землях, а прежние хозяева этих наделов смирились с утратой собственности, идея отмены аграрных законов Суллы вряд ли была бы популярной. Поэтому восстановление прав народных трибунов уже не носило угрозы противостояния первых лет постсулланской действительности. Таким образом, выдвинув лозунг восстановления прав народных трибунов, Помпей смог бы одержать уверенную победу на консульских выборах. В 74-73 гг. люди Помпея успокоительными мерами стали всячески сбивать накал протестных настроений в обществе, одновременно распространяя идею, что народу нужно дожидаться Гнея Помпея, так как столь прославленный молодой человек «первый станет поборником восстановления трибунской власти»²⁰⁸.

Проблемой, однако, было то, что Помпей не обладал необходимым должностным цензом для того, чтобы выставить свою кандидатуру на этих выборах. Только сенат, в виде исключения, мог бы предоставить ему такое право. Однако без угрозы применения силы вряд ли сенаторы пойдут на такой беспрецедентный шаг: назначение Помпея на войну с Серторием стало возможным только потому, что его легионы стояли под стенами Рима и сенаторы вынуждены были уступить, «когда пребывали в страхе»²⁰⁹. Проблема, таким образом, сводилась к тому, чтобы привести свои легионы под стены Рима, не нарушив легитимности процесса достижения консульских полномочий. Опыт подавления мятежа Лепида говорил о том, что добиться этого можно будет только при условии, что в Италии будет война, и сенат сам обратится к Помпею с просьбой спасти отечество. Предстояло решить, как этого добиться.

Но пока Помпею нужно было время, как для того, чтобы, прежде чем предпринимать практические действия, все обстоятельно и детально продумать, так и для решения указанных масштабных задач. Стремительное сокращение сил Сертория, бывшее в самом разгаре (его солдаты, а также испанские племена переходили на сторону сенатских сил), пришлось срочно останавливать. Аппиан, описывающий недовольство римлян в армии Сертория, некоторые из которых, по Ливию, были казнены, утверждает, что «при всем этом римляне все-таки не уходили окончательно, нуждаясь в Сертории: не было в то время человека более воинственного, более удачливого, чем он»²¹⁰. Время завершения войны с Серторием целиком зависело от Помпея. В любом случае, пока не вернется из Азии Лукулл, сулланцы не станут требовать от него скорейшего завершения испанской кампании. Помпей без труда обоснует нежелательность сворачивания военных операций в Испании тем, что пока миссия марианцев при понтийском дворе не

---

²⁰⁸ Sall. III. 48. 21, 23.

²⁰⁹ Sall. III. 48. 21.

²¹⁰ App. I. 112.

приведет к необходимой для Рима развязке в войне, весть об окончательном поражении Сертория может негативно сказаться на доверии Митридата к Марию и другим римлянам в его ставке.

Другой вопрос, что завершение войны на востоке ожидалось скорым. Казалось, что самым очевидным для Помпея было поручить римлянам, служившим в армии Митридата, добиваться затягивания войны. Однако это было рискованным и сложным, так как пришлось бы подталкивать Митридата к оттягиванию времени решающего сражения, а в самом сражении опасно будет дать царю почувствовать себя победителем. Завершения войны на Востоке, если миссия марианцев удастся, следовало ожидать ближе к концу 73 г., а триумфального возвращения Лукулла – к середине 72 г. Таким образом, 73 г. становился решающим для Помпея для сбора достаточной суммы и проникновения с собственными легионами в Италию.

В 74 г. в Риме удалось добиться назначения Верреса наместником Сицилии. «Лишь только ему досталась по жребию сицилийская провинция, он, еще до отъезда, начал немедленно рассуждать сам с собою и советовать с друзьями, в Риме и его окрестностях, о том, каким образом ему в один год заработать в этой провинции наиболее крупную сумму денег»²¹¹.

С пиратами Помпей договаривался также в 74 г., полагаем, через Красса²¹². Перед ними была поставлена задача к назначенному сроку собрать для Помпея определенную сумму денег. Условия соглашения предусматривали: для успешного промысла пиратов контроль Рима в определенных секторах Средиземного моря будет ослаблен, при попадании пиратов в плен им будет гарантирована жизнь²¹³, со своей стороны, беря римлян в заложники, пираты должны будут отпускать их при получении выкупа, либо содержать их в плену, пока не получат иного распоряжения от Помпея²¹⁴.

Именно ко времени заключения этих договоренностей следует отнести случайный захват пиратами в плен Юлия Цезаря. Напомним, что, до-

---

²¹¹ Cic. Verr. II. 17.

²¹² Наш вывод основывается на ироничной фразе, брошенной находившимся в плену у пиратов Цезарем: «Какую радость вкусишь ты, Красс, когда узнаешь о моем пленении!» (Plut. Gras. 7). Вполне возможно, что какая-то роль во взаимодействии с пиратами принадлежала и Публию Клодию, о котором Цицерон со злобой говорил: «возмужав, он отправился в провинцию и поступил на военную службу, а там, претерпев надругательства от пиратов, удовлетворил похоть даже киликийцев и варваров». Cic. De her. r. 42.

²¹³ Об этом в частности свидетельствует то, что наместник Сицилии Веррес так и не казнил ни одного пирата с захваченного судна, но продал и раздарив, фактически, выпустил их на свободу, а также то, что проконсул Вифинии Юнк, к которому прибыл Цезарь для получения распоряжения о казни плененных пиратов, также выразил намерение продать их в рабство (Vell. II. 42. 3), а по Плутарху, вообще хотел отложить рассмотрение вопроса (Plut. Caes. 2).

²¹⁴ По завершении Пиратской войны в 67 г. пираты сдали Помпею большое количество пленных, многие из которых, вернувшись на родину, нашли себе там воздвигнутые кенотафы, как над покойниками (App. Mithr. 96).

жидаясь выкупа, Цезарь вел себя в плену по отношению к пиратам достаточно вызывающе. Вероятно, эта дерзость свидетельствует о его причастности уже в то время к тем политическим силам в Риме, которые покровительствовали пиратам, а сами пираты полагали, что пленник имел какое-то отношение к их покровителям и поэтому не рискнули с ним расправиться. Когда выкуп был заплачен, Цезарь вернулся с небольшим флотом и схватил своих захватчиков, а затем казнил. Вскоре Цезарь осознал, что в своей мстительности пиратам «перегнул палку». Очевидно, когда стало известно о расправе Цезаря над пиратами, то доброжелатели дали ему ясно понять, что он нарушил только что заключенные Помпеем договоренности с пиратами, согласно которым последним гарантировалась жизнь. Поскольку Цезарь действовал по собственной инициативе, то ему следует знать, что никто из авторитетных для пиратов римлян не заступится за него перед ними. Цезарю, таким образом, следовало уладить свои проблемы с пиратами, которые разыскивают его по всему морю, никого в них не ввязывая. Поэтому, возвращаясь с 73 г. в Италию, Цезарь, чтобы избежать встречи с пиратами, пересек очень широкий залив Адриатического моря на четырехвесельном судне вместе с двумя друзьями и десятью рабами. Во время плавания ему в какой-то момент показалось, что их нагоняют пиратские корабли. «Он разделся и привязал к бедру кинжал, готовясь к любому повороту судьбы, но вскоре понял, что это обман зрения: издали он принял деревья за мачты и реи»²¹⁵. После этого морского путешествия Цезарь не ступит на борт корабля в течение восемнадцати лет, вплоть до высадки в Британию в 55 г.

Так как базы пиратов находились далеко в Киликии, возникла необходимость их перебазировать западнее. Марк Антоний, наделенный сенатом исключительными полномочиями для борьбы с пиратами, отправил на Крит послов, которые после переговоров вернулись от островитян с надменным ответом²¹⁶. Затем он направил туда свои корабли²¹⁷, на которых вез «больше оков для пленных, чем оружия»²¹⁸. Однако островитяне поразительно легко смогли перехватить у него большую часть флота. После этого поражения пираты могли уже беспрепятственно промышлять во всем восточном средиземноморье.

К этому времени на Сицилии Веррес весьма последовательно добился заметного ослабления островного флота: за определенную плату он стал отпускать матросов со службы, а все жалование, причитающееся отпущен-

---

²¹⁵ Vell. II. 43. 2.

²¹⁶ App.Sic. VI. 1.

²¹⁷ App. Sic. VI. 1; Flor. I. 42. 1.

²¹⁸ Flor. I. 42. 2-3. Цицерон сообщает, что Марк Антоний набирал в свой флот рабов с Сицилии: «Один из префектов Антония вздумал отнять у нее [некоей Агониды из Лилибея, отпущенницы Эрицинской Венеры] рабов, составлявших ее домашний оркестр, под предлогом, что они ему нужны во флот» (Cic. Verr. Divinatio. 55.).

ным, присваивать себе. Городским общинам Сицилии было приказано деньги, предназначенные на содержание флота, выплачивались лично Верресу – с тем, чтобы ими распоряжался тот, кому он сам это поручит. Но все это не смогло предотвратить случайного захвата груженного богатой добычей грузового судна пиратов, направлявшегося, по нашему мнению, под личным командованием Марка Антония к Помпею в Испанию. Личное участие Марка Антония в операции по перевозке ценностей объяснялось, очевидно, как ее важностью и секретностью, так и беспрецедентностью доставляемой суммы.

С наступлением весны 73 г., завершив последние приготовления, проведя испытания флота и принеся ритуальные жертвоприношения Зевсу-Воителю и Посейдону, Митридат прибыл с войском в Пафлагонию. Здесь он произнес перед войском торжественную речь, которую начал с прославления своих предков и самовосхваления, говоря, что свое царство, бывшее маленьким, он сделал огромным и лично ни разу не был побежден римлянами. Затем он прошелся по адресу римлян, обвинив их в корыстолюбии и жадности, а также нежелании оформлять мирный договор с Митридатом письменно, тем самым выжидая удобного момента, чтобы вновь напасть на него. Возлагая вину за предпринимаемую войну на римлян, он отметил силу своего войска и его снаряжения, указал на то, что враги его, не имея союзников, увязли в серьезную войну с Серторием в Иберии, море уже долгое время находится во власти пиратов, а в самой Италии идет междоусобная война. Указывая войску на серторианца Мария, Л. Магия и Л. Фанния, он громогласно вопрошал: «Разве вы не видите, что лучшие из них – враги своему отечеству и союзники нам?»²¹⁹. Произнеся эту речь, он отдал приказ армии, численностью сто двадцать тысяч воинов и шестнадцать тысяч всадников, вторгнуться в Вифинию.

Лукулл, от которого «не очень-то ожидали славы полководца»²²⁰, «прибыл в Азию опытным полководцем, отправившись из Рима совершенно невежественным в военном деле»²²¹. Однако вперед него, решив, что настал его счастливый час, воображая, что триумф почти что в его руках, и боясь, что придется делить славу с Лукуллом, бой Митридату спешил дать его коллега – Марк Котта²²², который в конце 74 г., после долгих и настоятельных просьб в сенате, добился-таки для себя назначения наместником Вифинии²²³. Провинция сразу же перешла во власть Митридата. На пути к Халкедону, где расположился Котта, ему попытался дать бой Нуд, началь-

---

²¹⁹ App. Mithr. 70.

²²⁰ Cic. Acad. II. 1.

²²¹ Cic. Acad. II. 2.

²²² Plut. Luc. 8.

²²³ Plut. Luc. 6.

ник морских сил, но, потерпев неудачу, бежал к городу. У главных ворот города произошла сильная давка, которую понтийские лучники начали методично истребляли. Боясь допустить врага в город, римляне заперли ворота, а некоторых военачальников подняли на стены с помощью ремней. Оставшиеся за городскими стенами легионеры были уничтожены понтийцами. В тот же день понтийские корабли, разорвав заграждающие вход в гавань медные цепи, сожгли четыре римских боевых корабля, а оставшиеся шестьдесят захватили на буксир. Потерпев в первом же сражении сокрушительное поражение на суше и на море, Котта оказался заблокированным в Халкедоне. Из римлян было убито до 4 тысяч человек, в том числе сенатор Л. Маллий, а у Митридата – в морском сражении 20 человек из бастаров²²⁴.

В войске Лукулла, которое на тот момент находилось уже во Фригии, солдаты, досадовавшие, что Котта своим безрассудством не только навлек злую гибель на себя и своих подначальных, но и для них становится помехой как раз тогда, когда они могли бы выиграть войну без единой битвы, призывали бросить Халкедон на произвол судьбы, идти вперед и захватить Митридатовы владения, пока они лишены защитников. Лукулл, заявив, что он не трусливее обыкновенных охотников и не станет обходить зверя, чтобы идти войной на его опустевшее логово, двинулся на помощь к Котте и встал лагерем на виду у вражеских войск²²⁵.

Понимая, что численное превосходство на стороне противника, Лукулл планировал избегать открытого сражения. Между тем Марий, посланный к царю из Испании военачальник Сертория, вывел войска и стал вызывать римлян на бой. В ответ римляне также выстроили войска в боевой порядок, намереваясь принять бой. Однако, по Плутарху, произошло мистическое событие (вдруг небо разверзлось и показалось большое огненное тело, которое несло вниз, в промежуток между обеими ратями), после которого устрешенные стороны по обоюдному согласию разошлись без боя. Выяснив через пленных, что запасы продовольствия у противника на исходе, Лукулл, приказав сделать в лагере большие запасы, решил не спешить с битвой и ждать истощения врага.

Тогда Митридат ненастной ночью незаметно снялся с лагеря и направился на Кизик. Расположив свои войска перед ним, под горой Адрастии, он окружил его с суши десятью лагерями, а с моря в пролив, отделявший город от материка, ввел флот. Вскоре к Кизику прибыл Лукулл²²⁶.

Силы царя к тому времени составляли около 300 тысяч человек, продовольствие для которых собиралось солдатами в округе либо доставлялось морем. Видя такое положение дел, Лукулл заявил своим солдатам, что

---

²²⁴ App. Mithr. 71; Plut. Luc. 8.

²²⁵ Plut. Luc. 8, 9.

²²⁶ Plut. Luc. 9.

скоро он захватит неприятелей без боя, и велел им попомнить это обещание²²⁷. Расположив лагерь на удобной вершине горы, римляне могли, не испытывая проблем с получением продовольствия, легко отрезать пути снабжения понтийцев. Однако провести туда войска представлялось опасным, так как единственный, и к тому же узкий, проход, ведущий на гору, Митридат, по совету Таксила и других полководцев, усиленно охранял. Но... Луций Магий, посредник в переговорах между Серторием и Митридатом, стал тайно сноситься с Лукуллом и советовать царю «не обращать внимания, если римляне пойдут и станут лагерем, где им угодно. Он говорил, что два легиона, бывшие под начальством Фимбрии, хотят перейти на его, Митридата, сторону и тотчас соединиться с царем, так чего же ему стремиться к бою и кровопролитию, если он может без боя победить врагов»²²⁸. Безрассудно согласившись с этими доводами, Митридат позволил римлянам беспрепятственно занять и укрепиться на выгодной позиции. Теперь царь не мог атаковать Лукулла из-за недоступной позиции римлян. Озера, гора и реки, таким образом, минимизировали возможности понтийцев снабжаться по суше, а наступающая зима делала доставку по морю затруднительной. Когда лагерь римлян был устроен и работы окончены, Лукулл созвал солдат на сходку и, напомнив о своем обещании, гордо заявил, что через несколько дней добудет им бескровную победу²²⁹.

Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, Митридат, учитывая избыток в людях, решил штурмом овладеть Кизиком и таким образом решить проблему снабжения. Было создано множество насыпей, построено большое количество осадных машин, башен, «черепак» и других приспособлений. Перед началом штурма к городу были согнаны 3000 кизикийцев-пленников с мольбами к горожанам пощадить своих сограждан²³⁰. Однако осажденные решили защищать город до конца и их военачальник Писистрат велел со стены им объявить, чтобы они терпеливо выносили случившееся с ними, раз они стали пленными. После этого Митридат сначала предпринял атаку города с моря. Когда она захлебнулась, была предпринята третья, самая мощная, атака: с суши на многих направлениях были задействованы одновременно все осадные сооружения. Хотя кизикийцы сражались с исключительной стойкостью, часть стены города все же была сожжена и к вечеру рухнула. Так как понтийцы не рискнули прорываться через горящие развалины, то за ночь горожане восстановили ее. Поднявшаяся же через несколько дней буря уничтожила осадные сооружения²³¹ и Митридат, не поддаваясь на советы друзей удалиться, вынужден был ограничиться осадой,

---

²²⁷ App. Mithr. 72.

²²⁸ App. Mithr. 72.

²²⁹ App. Mithr. 72; Plut. Luc. 9.

²³⁰ App. Mithr. 73; Front. IV. V. 21.

²³¹ App. Mithr. 73.

пытаясь овладеть городом путем подкопа. Лукулл же, в свою очередь, избегая зрелищных сражений, продолжал контролировать пути снабжения армии Митридата: он бил врага по желудку и прилагал все усилия к тому, чтобы лишить его пропитания.

Осенью 73 г.²³² в Капуе из гладиаторской школы Лентула бежал отряд гладиаторов. Вначале побег сговорились совершить двести человек, большинство которых были галлы и фракийцы, однако когда их замысел был раскрыт, только 74 из них, сломав ворота школы, решились на бегство. Возглавил восстание Спартак – фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени²³³. Плутарх пишет, что когда он впервые был привезен в Рим на продажу, то во время сна его лицо обвила змея. Его жена, обладавшая даром пророчества, объявила, что «это знак предуготованной ему великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу»²³⁴. «Спартак, хотя он и был варваром, получившим как-то от некоего человека благодаренствие, оказался по отношению к нему благодарным: даже у варваров природа сама учит отвечать благодарностью благодетелям»²³⁵. Наподобие римского военачальника, он будет делиться добычей поровну со всеми, что обеспечит приток рабов в его армию²³⁶. Согласно Флору, чтобы ничем не отличаться от регулярной армии, по его приказу рабы из захваченных табунов создадут конницу; сам он – будет облачен в консульское одеяние; погребения своих павших вожаков он будет совершать с почетом, подобающим полководцам²³⁷. Пока же на пути восставших рабов весьма кстати оказались несколько повозок, везших в другой город гладиаторское снаряжение, которые позволили им вооружиться²³⁸.

Беглецы укрылись от преследования на вершине Везувия, куда вела единственная дорога, а со всех остальных сторон были отвесные гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Для их поимки во главе трехтысячного отряда прибыл Клодий. Он отказался штурмовать лагерь рабов на вершине горы, ограничившись установкой лагеря рядом с дорогой у

---

²³² Мы полагаем, что восстание Спартака началось после летних выборов консулов на 72 г., так как иначе известие о бегстве отряда рабов из гладиаторской школы, принадлежащей Лентулу Батиату, родственнику кандидата в консулы Гн. Корнелия Лентула Клодиануса, могло негативно сказаться на результатах голосования.

²³³ Plut. Cras. 8; Sall. Hist. III. 91.

²³⁴ Plut. Cras. 8.

²³⁵ Diod. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, XXXVIII, 21, ватиканские отрывки.

²³⁶ App. I. 116.

²³⁷ Flor. II. 8. 7, 9.

²³⁸ Plut. Cras. 8.

подножия горы. Вскоре угроза голода заставила беглых рабов действовать. Спартак предлагал попытаться прорваться через заграждение римлян: «Если же будет сильное сопротивление, то им лучше погибнуть от меча, чем от голода»²³⁹. Однако к реализации было принято предложение одного из участников восстания. Осажденные с помощью виноградных лоз, сплетенных в прочные лестницы необходимой длины, спустились по отвесной стороне скалы к самой ее подошве и, выйдя незамеченными, неожиданно напали с тыла и разграбили находившийся без должного охранения римский лагерь. Легионеры во главе с Клодием были обращены в бегство, а все, что было в лагере, стало добычей рабов²⁴⁰.

Весть о чудесном разгроме трехтысячного римского отряда горсткой рабов мгновенно разнеслась по всей Италии. Со всех областей полуострова рабы в массовом порядке стали сбегаться к Спартаку, армия которого стремительно увеличилась²⁴¹. Против него уже с двумя легионами был направлен Вариний. Сначала Спартак обратил в бегство трехтысячный отряд, возглавляемый помощником претора Фурием, а затем разбил и советника Вариния Коссиния²⁴². После этого претор расположился укрепленным лагерем недалеко от стоянки рабов и не спешил вступать в сражение с противником, ограничиваясь лишь незначительными стычками. Благовидный предлог для этого имелся. Его войско состояло «не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом»²⁴³. К тому же большая часть солдат хворала от осенней непогоды и никто, несмотря на суровый приказ, не возвращался под знамена после бегства в одной из стычек с рабами, да и те, что оставались, позорнейшим образом уклонялись от военной службы²⁴⁴. Поздней осенью Вариний направил в Рим своего квестора Торания для получения сведений²⁴⁵ о развитии ситуации в Испании и Азии и инструкций относительно дальнейших действий по отношению к восставшим.

Скорого победного окончания войны на Востоке, о чем неустанно заверял собственных солдат Лукулл²⁴⁶, с нетерпением ожидали и в Риме. К этому времени на западе, как и обещал Помпей, шла активная фаза демонтажа серторианского движения. Во главе с Перперной против Сертория был составлен заговор. К Серторию под видом гонца был подослан человек с посланием об одержанной серторианцами крупной победе. Обрадован-

---

²³⁹ Sall. III. 93.

²⁴⁰ Flor. II. 8. 5; Oros. V, 24, 2; Plut. Cras. 8.

²⁴¹ App. I. 116; Plut. Cras. 9.

²⁴² Plut. Cras. 8.

²⁴³ App. I. 116.

²⁴⁴ Sall. III. 95.

²⁴⁵ Sall. III. 95.

²⁴⁶ App. Mithr. 72; Plut. Luc. 9.

ный этим сообщением полководец совершил благодарственное жертвоприношение. Перперна объявил, что по случаю победы устраивает пир, на который наряду с заговорщиками, после долгих уговоров, согласился прийти и Серторий. Во время трапезы вокруг пиршественного стола возлегли: Серторий на нижнем месте среднего дивана, выше его Луций Фабий Испанский, сенатор из проскрибированных; на высшем диване Антоний, ниже секретарь Сертория Версий, а другой секретарь Меценат сел на нижнем диване между Тарквицием и хозяином Перперной²⁴⁷. Вопреки традиционным в присутствии Сертория умеренности и порядку, гости, прикидываясь сильно пьяными, позволяли себе всякие непристойные поступки, рассчитывая вывести полководца из себя. Однако Серторий, «то ли потому, что был недоволен нарушением порядка, то ли разгадав по дерзости речей и по необычному пренебрежению к себе замысел заговорщиков», старался хранить хладнокровие и делать вид, что ничего особенного не происходит. После условного знака, поданного Перперной (он поднял чашу неразбавленного вина и, пригубив, со звоном уронил ее), Антоний ударил Сертория мечом. Когда тот повернулся в его сторону и попытался встать, Антоний набросился на него и схватил за руки. Под ударами множества заговорщиков Серторий был убит²⁴⁸.

Известие об убийстве Сертория его соратниками было негативно встречено среди испанских племен и многих римских граждан. Сразу же после этого большинство испанцев отпало от Перперны и, отправив послов к Помпею и Метеллу, изъявило покорность²⁴⁹. Из вскрытого завещания Сертория стало ясно, что своим наследником он назначил Перперну²⁵⁰, который сразу же принял командование серторианской армией. Полагая, что Помпею и одному будет нетрудно справиться с Перперной, Метелл направился в другие места Испании²⁵¹. Казалось, быстро расправившись с Перперной, который «по своей природе не годен ни повелевать, ни подчиняться»²⁵², Помпей мог возвращаться в Италию уже в начале 72 г.

Однако, хотя все начинания Помпея, предпринятые для решения ветеранского вопроса, находились на стадии реализации, текущая ситуация пока еще не соответствовала его ожиданиям. Определенную сумму денег в течение 73 г. собрать удалось, но возникла проблема с Марком Антонием, которую Веррес решил как смог, но для того, чтобы окончательно спустить дело без последствий на тормозах, требовалось время. Что же до повода для легитимного введения собственных легионов в Италию, то восстание

---

²⁴⁷ Sall. III. 83.

²⁴⁸ Plut. Sert. 26.

²⁴⁹ Plut. Sert. 27.

²⁵⁰ App. I. 114.

²⁵¹ App. I. 115.

²⁵² Plut. Sert. 27.

Спартака пока еще не достигло нужного для этого эффекта. Единственная победа восставших, одержанная над Клодием под Везувием, объяснялась римлянами скорее даже не халатностью, а неопытностью молодого римского военачальника. Что же до того, что рабы подвергали разграблению окрестные селения, то это было достаточно естественным явлением, было бы странным, если бы было иначе. Эти акции восставших не могли произвести на Рим устрашающего впечатления. Это была война, «над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами»²⁵³.

Для Помпея было необходимо, чтобы восстание рабов наводило ужас на его сограждан, и создалось впечатление, что Италия исчерпала собственные ресурсы для того, чтобы справиться с восставшими. В этом направлении, собственно говоря, и будет развиваться ситуация... В лагере восставших возникнут серьезные разногласия, которые едва не перерастут в кровопролитие: камнем преткновения станут вопросы как тактики, так и цели восстания. Галлы и германцы во главе с Криксом будут считать целесообразным напасть на Вариния, тогда как Спартак станет склоняться к выжидательной позиции и предоставлению инициативы римлянам²⁵⁴. Спартак, «как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему все же не сломить могущества римлян»²⁵⁵. Поэтому он будет настаивать, что «прежде всего, мол, следует позаботиться о своем спасении, но оно будет обеспечено не раньше, чем они придут в Галлию, больше им не на что надеяться»²⁵⁶. Однако большинство участников восстания ни о чем, кроме добычи, не помышляло. После долгой дискуссии будет принято компромиссное решение: сняться с лагеря и для продвижения на север в направлении Галлии выйти на более просторные и обильные скотом поля, где до прибытия Вариния с отдохнувшим войском число восставших могло бы увеличиться отборными людьми²⁵⁷. Разведя по всему лагерю костры и выставив перед воротами трупы в одежде и с оружием, так что на расстоянии они казались стражами, во время ночной смены Спартак незаметно для неприятеля выведет войско и двинется в путь²⁵⁸. Лишь ближе к полудню следующего дня, не слыша обычного шума из лагеря рабов, римский военачальник направит на разведку всадников. Узнав, что рабы уже давно удалились, Вариний откажется пускаться в погоню, объяснив это опасностью засады и желанием произвести дополнительный набор в свои легионы. Лишь спустя несколько дней, очевидно уже получив из Рима приказ ввязаться в сражение с рабами и оставить поле битвы за противником, Вариний нагонит Спартака и вступит

---

²⁵³ App. I. 118.

²⁵⁴ Sall. III. 96.

²⁵⁵ Plut. Cras. 9.

²⁵⁶ Sall. III. 98.

²⁵⁷ Sall. III. 98.

²⁵⁸ Front. I. 5. 22; Sall. III. 95.

в бой, который римляне проиграли: «несоответственно их характеру, у наших [римлян] начала расти уверенность и развязался язык. Вариний, подавшись неосторожно этому чувству, вопреки тому, что видел, повел все же к лагерю беглых рабов новых и неиспытанных, и к тому же смущенных гибелью других воинов. Он вел их сдержанным шагом и в молчании и вводил в бой не с таким блеском, как они этого требовали»²⁵⁹. Спартак даже лично отнимет коня у Вариния, который чуть не попадет в плен к гладиаторам²⁶⁰. Вслед за ним рабы захватят и лагерь квестора Торана²⁶¹. Именно после этих побед Спартак станет великой и грозной силой²⁶². Создастся впечатление, что «почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаком – гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения»²⁶³. Восставшие, которые ранее ограничивались разграблением вилл и небольших поселений, подобно страшной лавине станут опустошать попадавшие на пути италийские города. Они наполнят все вокруг убийствами, пожарами, грабежами и насилием²⁶⁴. Вопреки запрету вождя войны станут похищать женщин и девушек, при малейшем намеке на сопротивление жесточайшим образом убивать всякого встречного, поджигать дома римских горожан. Местные рабы, присоединяясь к восставшим, будут выдавать своих спрятавшихся хозяев вместе с припрятанным добром. Разорены будут Анний, Нола, Нуцерия, Фурия и Метапонт²⁶⁵. Будучи не в силах пресекать грабежи Спартак, прежде чем двинуться к какому-либо городу, даже станет направлять туда вестников, которые будут предупреждать местное население, и таким образом давать возможность горожанам спешно удаляться в соседние горы²⁶⁶. Раздражение, вызванное в сенате низким и недостойным характером восстания, уступит место страху и осознанию опасности²⁶⁷. Даже когда Спартак целеустремленно поведет свое войско на север, желая вырваться из пределов Италии, от его армии отделятся галлы и германцы во главе с Криксом, одержимые желанием грабить италийские города, и сохраняя таким образом для Помпея повод для возвращения в Италию.

Но всего этого будет недостаточно для Помпея. Сложность ситуации придавало то, что скорое возвращение в Рим Лукулла после ожидаемой победы над Митридатом становилось для Помпея проблемой, с которой при-

---

²⁵⁹ Sall. III. 95.

²⁶⁰ App. I. 116.

²⁶¹ Flor. II. 8. 5.

²⁶² Plut. Cras. 9.

²⁶³ App. Mithr. 109.

²⁶⁴ Oros. V, 24, 3.

²⁶⁵ Sall. III. 98; Flor. II. 8. 5.

²⁶⁶ Sall. III. 98; Flor. II. 8. 5.

²⁶⁷ Plut. Cras. 9.

ходило бы считаться. Ему и без того предстояло решать достаточно трудные задачи в Риме: сначала добиться от сената разрешения на участие в консульских выборах, затем осуществить уже в ранге консула конституционные реформы и, в качестве конечной цели, добиться принятия аграрных законов, наделяющих его солдат земельными наделами. Будет достаточно проблематично добиться всего этого в присутствии объятого ореолом славы победителя восточной кампании Лукулла и его легионов.

Эту проблему Помпей решит внесением незаметной, на первый взгляд, и простой корректировки в план войны с Митридатом. Своим людям в окружении понтийского царя и Лукулла он поручит лишь одно: Митридат ни при каких условиях не должен погибнуть либо попасть в плен к Лукуллу. В этом случае понтийский царь фактически будет разгромлен, но Лукулл не сможет формально объявить о завершении войны. Пока последний будет гоняться за Митридатом, Помпей успеет не спеша собрать достаточное количество денег для решения проблем своих солдат и продуманно осуществить все намеченное.

Во время осады Кизика Луций Фанний – один из римских посредников в переговорах Митридата с Серториумом, и Метрофан – военачальник, слабый в военном деле²⁶⁸, обязанный своим назначением беспрекословному повиновению Митридату²⁶⁹, бежали с двумя тысячами всадников в Миссию, на северо-западе Малой Азии, и после долгих скитаний незамеченными вернулись в лагерь царя²⁷⁰. В это же время Эвмах, полководец Митридата, стремительно прошелся по всей Фригии, убивая римлян с их детьми и женами, пока, наконец, не потерпел поражение от одного из тетрархов Галлатии, Дейотара²⁷¹.

Вскоре среди осаждающих Кизик наступил голод и мор. Митридат вынужден был отослать всю свою конницу вместе с обозом и наименее боеспособную часть пехоты окружными путями вглубь Вифинии. Лукулл во главе конницы и десяти когорт бросился в погоню за ними. По пути римская пехота из-за настигшей ее снежной бури отстала от своей конницы. Настигнув врагов во время переправы через реку Риндак, Лукулл разбил их, захватив весь обоз, пятнадцать тысяч человек пленных и шесть тысяч коней²⁷². Вернувшись под Кизик, римляне демонстративно провели захваченную добычу мимо лагеря Митридата.

Царь решил немедленно снять осаду и срочно отступить. Чтобы отвлечь Лукулла, флоту под командованием Аристоника было приказано от-

---

²⁶⁸ App. Mithr. 29.

²⁶⁹ Sall. Hist. III. 22.

²⁷⁰ Oros. VI. 16.

²⁷¹ App. Mithr. 75.

²⁷² App. Mithr. 75; Plut. Luc. 11.

плыть в Греческое море. Но вследствие измены последний вместе с крупной суммой денег был захвачен римлянами в момент отплытия²⁷³. Сам Митридат ушел из под Кизика невредимым, бежав ночью морем на Парос. Войскам было приказано двигаться к Лампсаку. Лукулл ударил по отступающим у разлившейся реки Граника, нанеся врагу большие потери, взял множество пленных и перебил двадцать тысяч²⁷⁴. Остатки понтийской армии добрались до Лампсака, куда Митридат прислал корабли для эвакуации. Чтобы задержать римлян, царь дал в распоряжение Мария, серторианского полководца, одиннадцать тысяч отборных воинов на пятидесяти кораблях, а сам с большинством направился в Никомедию.

Триарий взял Апамею и произвел ужасное избиение апамейцев, сбегавшихся под защиту храмов²⁷⁵. У Ахейского залива Лукулл захватил тринадцать неприятельских судов. Мария, Александра, Дионисия²⁷⁶ и, как считается, Метрофана с Л. Фаннием²⁷⁷ он застал на пустынном берегу на острове Лемнос. Отбросив всякие предосторожности, Лукулл с большим шумом двинулся против них, тогда как те спокойно оставались на месте. Все суда понтийцев стояли вплотную к берегу на якорю и отстреливались стрелами, нанося урон солдатам Лукулла. Сложность момента для римлян заключалась в том, что оказалось невозможным обойти корабли неприятеля, и так как Лукулловы суда качались на волнах, а суда понтийцев стояли на мелководье на дне, то одолеть их прямым натиском было невозможно. Лукулл подослал к ним два корабля с призывом выйти в море. Однако те проигнорировали это требование. Тогда части римских кораблей, обогнув остров, с трудом удалось высадить солдат на берег. Римляне, предприняв атаку с суши, заставили понтийцев спешно рубить канаты и спасаться, пытаясь уйти в море. Однако теперь понтийские суда сталкивались друг с другом или попадали под таран римских кораблей. Всего в морском сражении, известном как бой под Тенедосом²⁷⁸, было потоплено или захвачено тридцать два царских корабля и большое количество грузовых судов²⁷⁹. В бою было убито более одиннадцати тысяч марианских воинов, в том числе мно-

---

²⁷³ Plut. Luc. 11.

²⁷⁴ Всего потери Митридата с начала войны, считая и обозных, и воинов, составили немногим меньше трехсот тысяч человек. Plut. Luc. 11.

²⁷⁵ App. Mithr. 77.

²⁷⁶ App. Mithr. 77.

²⁷⁷ Вестник древней истории. 1950. № 1. с. 305. прим. 1.

²⁷⁸ Cic. Pro Arhia. 21. Обращаясь к Катону, утверждавшему, что римляне в войне против Митридата «сражались с бабенками», Цицерон эмоционально вопрошал: «А тот морской бой под Тенедосом, когда вражеский флот, под начальством рьяных начальников, окрыленный надеждами и уверенностью в победе, стремился прямо в сторону Италии? Разве это была легкая битва и незначительная схватка?» (Pro Murena. 31, 33).

²⁷⁹ Oros. VI. 2. 21.

гие из проскрибированных Суллой римлян²⁸⁰. Так как Марий был крив на один глаз, то еще перед схваткой Лукулл отдал солдатам строгий наказ не убивать одноглазых: он-де хочет, «чтобы Марий перед смертью претерпел поношение и позор»²⁸¹. На следующий после битвы день²⁸² Марий, Александр и Дионисий были захвачены в пещере²⁸³. Последний предпочел принять яд. Мария же Лукулл теперь приказал убить: в своем отчете, посланном в Рим обвязанным веткой лавра, как это принято при победах, Лукулл написал, что считает, «что римлянин и сенатор не должен идти в триумфе»²⁸⁴.

Судя по обрывочному фрагменту Истории Саллюстия и речи Цицерона, в 71 г. в Риме в связи с провалом операции по поимке Митридата у Лампсака будут проведены специальные слушания, на которых сенат будет тщательно выпрашивать у Луция Фанния и Метрофана²⁸⁵ «в то время как на стольких лодках, которые они послали на разведки к устью с немногими верными людьми... [полагаем, что далее должно быть следовало: „как Митридату удалось избежать пленения?“]»²⁸⁶. По итогам слушаний сенат объявит Л. Магия и Л. Фанния врагами государства²⁸⁷ и накажет, очевидно, изгнанием. В 68 г. по поручению Лукулла Л. Фанний будет возглавлять один из римских укрепленных пунктов в Армении²⁸⁸.

Между тем в Вифинии, куда после расправы над Марием, рассчитывая настигнуть царя, срочно направился Лукулл, Митридата должен был запретить Воконий, специально посланный с кораблями в Никомедию, чтобы не дать ему бежать²⁸⁹. Однако царю удалось на кораблях беспрепятственно покинуть провинцию: когда он прибыл к своему флоту, отвечавший за его задержание «Воконий, занявшись посвящением в самофракийские таинства и торжествами по этому случаю, упустил время, и Митридат отплыл со своим флотом»²⁹⁰. Должно быть, узнав об этом, Лукулл не без иронии

---

²⁸⁰ Oros. VI. 2. 20, 21.

²⁸¹ Plut. Luc. 12.

²⁸² Oros. VI. 2. 22.

²⁸³ App. Mithr. 77.

²⁸⁴ App. Mithr. 77. Первоначальный приказ не убивать Мария (Plut. Luc. 12.) и последовавшая затем его казнь (App. Mithr. 77.) говорит, на наш взгляд, о том, что Лукуллу важно было выяснить у самого Мария, обеспечившего победы римлян в войне с Митридатом, почему царю удалось беспрепятственно бежать от римлян и лишь затем, не получив от серторианца вразумительного ответа, он решил убить его.

²⁸⁵ Вестник древней истории. 1950. № 1. с. 305. прим. 1.

²⁸⁶ Sall. Hist. IV. 2.

²⁸⁷ Cic. Verr. I. 87.

²⁸⁸ Cass. Dio. 36. 8.

²⁸⁹ Plut. Luc. 13.

²⁹⁰ Plut. Luc. 13. Если наше предположение о причине удачного спасения царя верно, то загадочное временное исчезновение Л. Фанния и Метрофана из лагеря Митридата под Кизиком, когда они достаточно долго скитались по северо-западу Малой Азии (Oros. VI. 16.),

вспомнил случай 13-летней давности: тогда, в 85 г., собрав по поручению Суллы кой-какой флот из Кипра, Финикии, Родоса и Памфилии²⁹¹, он сам спешил вернуться к своему военачальнику. В это самое время, сдавший уже Пергам и осажденный с суши марианцем Фимбрией в Питане Митридат, желая вырваться из ловушки, срочно призывал к себе свои суда. Фимбрия, не имевший возможности заблокировать понтийского царя с моря, обратился к Лукуллу с просьбой прийти со своими кораблями и помочь изловить «самого ненавистного и враждебного из царей, чтобы не ушла от римлян эта драгоценная добыча, ради которой было принято столько ратных трудов, – Митридат, который уже попал в западню и окружен тенетами! Когда он будет захвачен, – продолжал Фимбрия, – никому не достанется большей славы, нежели тому, кто заградил ему выходы и настиг при бегстве. Если он, Фимбрия, будет теснить Митридата с суши, а Лукулл запрет его с моря, то честь победы будет принадлежать им двоим, а хваленые победы Суллы у Орхомена и под Херонеей римляне не будут ставить ни во что»²⁹². Действительно, приведи тогда Лукулл имевшиеся в его распоряжении корабли в Питану – уже в 85 г. войне с Митридатом пришел бы конец. Но Лукулл поставил тогда свой долг перед Суллой превыше как своего собственного, так и государственного блага. «Возможно также, – полагает Плутарх, – что он не желал иметь ничего общего с Фимбрией, этим негодяем, который недавно из властолюбия убил своего друга и полководца [Флакка]»²⁹³.

После удачного бегства из Вифинии Митридат спешил уйти вместе с подготовленным флотом в воды Понта Эвксинского в направлении Византия до того, как Лукулл организует погоню. В свое время сенат, утверждая назначение Лукулла, постановил выделить на постройку военных судов три тысячи талантов, но «тот воспротивился этому и высокомерно заверил их [сенаторов] в письме, что и без таких затрат и хлопот, с одними только кораблями союзников, сумеет прогнать Митридата с моря»²⁹⁴. Теперь же Лукулл не мог организовать действенную погоню за царем, так как, отправляясь в поход, он не предполагал, что война примет такой неожиданный для него оборот. Теперь, что называется, оставалось «ждать у моря погоды». Погода же, казалось, Лукулла не подвела... Флот царя неожиданно настигла сильная буря. Часть судов рассеяло по морю. Погибло до десяти тысяч человек и было уничтожено от шестидесяти до восьмидесяти боевых пон-

---

следует объяснить подготовкой Вокония к «засаде» для Митридата, который именно туда направился после неудачной осады Кизика.

²⁹¹ App. Mithr. 56.

²⁹² Plut. Luc. 3.

²⁹³ Plut. Luc. 3.

²⁹⁴ Plut. Luc. 13.

тийских кораблей²⁹⁵. «И впрямь казалось, будто Лукулл, заключив своего рода союз с волнами и бурей, наслал на царя убийственный ветер»²⁹⁶. Грузовое судно, на котором плыл сам Митридат, из-за своей величины не могло подойти к берегу, и кормчие остановили его в разбушевавшемся море, среди ярости волн. Буря повредила царский корабль, который начал тонуть. Казалось, что само провидение на стороне Лукулла: Митридат утонет и в победоносной войне Лукулл сможет поставить славную точку. Но... вдруг к тонущему кораблю Митридата пристало легкое судно пирата Селевка, предложившего спасение царю²⁹⁷. Друзья Митридата советовали отказаться от помощи. Однако царь, доверив свою жизнь морским разбойникам, при помощи Селевка перебрался на легкое пиратское суденышко. «Этим опасным способом ему удалось, вопреки всякому ожиданию, благополучно достичь Гераклеи Понтийской»²⁹⁸ до Синопы. Оттуда он отправился в Амис и отправил послов к своему сыну, Махару, правившему в Боспоре, и к своему зятю, Тиграну II, царю Армении, побуждая и того, и другого оказать ему помощь²⁹⁹. К последнему был направлен Метродор из Скепсия – человек немалой учености и не чуждый красноречия, который при Митридате достиг такого влияния, что его называли «отцом царя». Когда посланник передал Тиграну просьбу понтийского царя о помощи против римлян, тот заинтересовался: «А сам ты, Метродор, как посоветуешь мне поступить в этом деле?»³⁰⁰. Метродор ответил, что как посол он просит за своего государя, но как советчик рекомендует отказаться ему. Вняв совету, Тигран решил отказать в удовлетворении просьбы Митридата.

Планы Лукулла по скорому завершению войны, таким образом, окончательно рухнули. Многие из его окружения, очевидно догадываясь об истинной подоплеке неудачи, стали советовать ему на время прекратить военные действия³⁰¹, но он пренебрег этими советами и летом 72 г., пройдя маршем через разоренные понтийцами Вифинию и Галатию, вторгся в Понт – богатые владения Митридата. Характер войны для римлян после этого изменился: в действиях царя уже не будет прежней предсказуемости и Лукулл больше не будет как прежде заверять своих солдат, что «через несколько дней добудет им бескровную победу»³⁰².

Когда для Помпея стало очевидным, что война на востоке не будет завершена в начале 72 г., он решил не спешить с возвращением в Италию.

---

²⁹⁵ App. Mithr. 78; Oros. VI. 2, 24.

²⁹⁶ Flor. I. 3. 5. 19.

²⁹⁷ App. Mithr. 78; Oros. VI. 2. 24; Plut. Luc. 13.

²⁹⁸ Plut. Luc. 13.

²⁹⁹ App. Mithr. 78.

³⁰⁰ Plut. Luc. 22.

³⁰¹ Plut. Luc. 14.

³⁰² Plut. Luc. 9.

Предлог для этого имелся: предстояло расправиться с остатками серторианской армии, которые возглавил Перперна. Поэтому «сенат отправил против восставших [рабов], как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов разом»³⁰³: Гнея Корнелия Лентула Клодиана и Луция Геллия Попликолу. Им предстояло сражаться против разделившихся армий рабов: одна из них, возглавляемая Спартаксом, устремилась на север, желая покинуть Италию, другая – во главе с Криксом – грабила италийские города. В принципе, по отношению к первым для помпеянцев вопрос сводился не к тому, «удастся Спартаксу вырваться из Италии или же он будет остановлен и разбит?», – никто не позволил бы ему вырваться на свободу и дать таким образом надежду тысячам и тысячам оставшимся в Италии рабам, а к тому, «удастся ли заставить Спартака отказаться от идеи покинуть Италию или нет?», – если бы не удалось, то его армия подлежала бы уничтожению, а восстание продолжилось бы под руководством Крикса. Теперь, когда помпеянцы располагали достаточным временем, было решено сделать ставку на Спартака, как более достойного по сравнению с Криксом противника: консул Геллий, со своим легионом в 5-6 тысяч человек, «среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда [его] солдатами»³⁰⁴, без особого труда уничтожил около горы Гаргана отколовшийся от Спартака тридцатитысячный галло-германский отряд во главе с Криксом³⁰⁵. Очевидно, именно к этому времени следует отнести предопределившие последующее развитие событий тайные переговоры, которые вели послы Помпея с римскими гражданами, служившими в войске Спартака³⁰⁶.

Пока Геллий сражался с Криксом, Спартак быстро двигался по направлению к Альпам через Апеннинские горы. Лентул со своим легионом успел опередить восставших и преградить путь к бегству из Италии. Римские когорты предприняли попытку окружить Спартака, но тот, перейдя в наступление, разбил римские части. Геллий прибыл к месту сражения слишком поздно, чтобы помочь своему коллеге, зато Спартак, не дав своему войску отдыха, сразу напал и обратил в бегство и второго консула. После этого восставшие продвинулись к Циспаданской Галлии, где у Мутины Спартак нанес поражение наместнику Транспаданской Галлии проконсулу Гаю Кассию во главе десяти тысячного войска, а затем претору Гаю Манлию³⁰⁷.

Всего шаг оставалось сделать рабам до свободы. Но вместо этого они, окрыленные непобедимостью своего вождя и умело подстрекаемые, заставят Спартака вновь почувствовать себя гладиатором и вести их на Рим.

---

³⁰³ Plut. Cras. 9.

³⁰⁴ Plut. Cato min. 8.

³⁰⁵ Plut. Cras. 11; App. I. 117; Oros. V. 24. 4.

³⁰⁶ Caes. B.C. III. 19.

³⁰⁷ App. I. 117; Liv. Per. XCVI; Plut. Crass. 9; Oros. V,23; Flor. II. 8. 10.

Очевидно, Спартак понял, что рабы действовали под влиянием извне, так как именно после этого он устроит в честь павшего Крикса гладиаторские игры с участием 300 пленных римлян, казнит оставшихся пленных и запретит принимать в свои ряды перебежчиков, во множестве приходивших к нему³⁰⁸. Повернув обратно в Италию, Спартак в Пицене нанес очередное поражение уже объединенным силам консулов³⁰⁹.

Как только стало известно, что армия рабов идет на Рим, город охватил не меньший страх, чем когда он дрожал, крича, что Ганнибал у ворот³¹⁰. Возмущенный неспособностью консулов справиться с восставшими рабами, сенат приказал им не трогаться с места и решил назначить выборы нового главнокомандующего³¹¹. Однако «страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры»³¹². «В дни выборов было много толков о том, что победа над врагами должна быть делом Помпея: стоит ему явиться – и с войной будет покончено одним ударом»³¹³. Однако кандидатура Помпея так и не была поставлена на голосование. Возможно, это было связано с неожиданной трагической развязкой, произошедшей в Испании.

После гибели Сертория Перперне понадобилось определенное время, для того чтобы утвердиться во главе остатков серторианцев: «...всеобщий гнев и ненависть к Перпенне усилились еще больше за то, что он совершил такую гнусность [убийство Сертория] не только в отношении своего начальника и полководца, но и в отношении своего друга и благодетеля. Дело дошло бы до кулачной расправы, если бы Перпенна не обошел солдат, одних склонив на свою сторону подарками, других обещаниями, третьим пригрозив, а кое с кем и расправившись, чтобы дать острастку другим. При этом Перпенна объезжал туземные племена, созывая собрания, освобождал узников, закованных Серторием в кандалы, возвращал иберам данных ими заложников. Прельщенные всем этим, они стали повиноваться Перпенне как полководцу – это звание он носил после смерти Сертория»³¹⁴. Когда Спартак начал череду своих победных сражений над консульскими легионами в Испании, движение Сертория вступило в завершающую стадию: за две недели Помпей нанесет поражение Перперне и тем самым поставит точку в Испанской войне. Сперва в течение нескольких дней у Помпея с Перперной происходили небольшие пробные мелкие стычки. На десятый день Перперна почти со всем своим войском напал на Помпея, но тут же

---

³⁰⁸ App. I. 117; Flor. II. 8. 9.

³⁰⁹ App. I. 117.

³¹⁰ Oros. V. 24. 5.

³¹¹ Plut. Cras. 10.

³¹² App. I. 118.

³¹³ Plut. Cras. 11.

³¹⁴ App. I. 114.

был разгромлен. Война в Испании закончилась, а многие солдаты Сертория перебежали к Помпею, который принял их в ряды собственной армии³¹⁵.

На исходе войны в Испании и произошел трагический казус: «При начавшемся общем бегстве Перперна укрылся в густо растущий кустарник, боясь своих солдат больше, чем вражеских. Несколько всадников захватили Перперну и повлекли его к Помпею. Они поносили его как убийцу Сертория, а Перперна вопил, что он много [!!!] расскажет Помпею о междоусобной расправе в Риме. Не знаю, правду ли он тут говорил или с той целью, чтобы его привели к Помпею живым. Помпей, однако, послал своих людей вперед и приказал им убить Перперну, прежде чем он к нему явится»³¹⁶. По версии Плутарха, «У него [Перперны] в руках была переписка Сертория, и он обещал Помпею показать собственноручные письма бывших консулов и других наиболее влиятельных в Риме лиц, которые призывали Сертория в Италию, утверждая, что там многие готовы подняться против существующих порядков и совершить переворот. Но Помпей повел себя не как неразумный юноша, а как человек зрелого и сильного ума и тем самым избавил Рим от великих опасностей и потрясений. Поступил он так: собрав послания и письма Сертория, он все предал огню, и сам не читая их, и другим не разрешив, а Перперну немедленно казнил, опасаясь, как бы тот не назвал имена, что могло послужить причиной восстаний и смут»³¹⁷. Отметим, что, так как Перперна был убит, а письма сожжены, то утверждение, что их адресатом был именно Серторий, не могло быть проверено, даже если бы сенат решил бы назначить специальное расследование по этому поводу.

Оба источника высоко оценивают поступок Помпея³¹⁸, однако, на наш взгляд, он больше был озабочен собственной безопасностью, нежели возможностью смуты в Риме. В принципе, Перперна не мог сообщить ему ничего нового, но, начав говорить, мог создать новые, причем неразрешимые, проблемы. Скорее всего, Перперну вывели из себя пленившие его всадники, которые поносили его как убийцу Сертория. Если бы у всадников был приказ не брать Перперну живым, то он не успел бы произнести даже этих слов. В таком случае, трудно представить себе человека, жизни которого не угрожает сиюминутная опасность, который станет вопить об имеющемся у него компромете в присутствии случайных людей. Если Перперна желал извлечь какие-то дивиденды из имевшегося компромата, он должен был без огласки поставить об этом в известность Помпея и в любом случае не действовать столь безрассудно и прямолинейно. Эмоциональная реакция Перперны объяснялась, наверное, тем, что он считал себя в первую очередь не

---

³¹⁵ Cic. Verr. II. V. 153.

³¹⁶ App. I. 115.

³¹⁷ Plut. Sert. 17.

³¹⁸ «В данном случае Помпей поступил очень благоразумно, и это послужило упрочению его доброй славы» App. I. 115.

убийцей и заговорщиком, а военным, выполнявшим приказ. Поэтому услышав оскорбительные для себя обвинения, он сорвался и завопил, что «много расскажет Помпею о междоусобной расправе в Риме». Как только Помпею доложили об этом, он, не пытаясь даже гадать, к чему клонит пленник, тут же «послал своих людей вперед и приказал им убить Перперну, прежде чем он к нему явится»³¹⁹. Страх собственного разоблачения заставил Помпея приказать немедленно убить Перперну, а незнание, как в Риме отреагируют на это убийство, – повременить с возвращением в Италию.

Следующие соображения также склоняли Помпея отказаться от участия в подавлении восстания Спартака на данной стадии. Во-первых, назначение Помпея командующим против Спартака в условиях фактической неэффективности обоих консулов создавало ситуацию нежелательного дежавю. Напомним, что Помпей был назначен воевать против Сертория после того, как оба консула 77 г. отказались принять назначение. В случае назначения Помпея Спартак, да и не только он, так же как в свое время Серторий, мог бы иронизировать по поводу его назначения «вместо обоих консулов». Во-вторых, пожалуй, самое главное, Помпею необходимо было эффективно появиться в Италии накануне консульских выборов лета 71 г., с тем, чтобы потребовать от сената разрешения на выставление собственной кандидатуры. Если бы Помпей получил назначение в середине 72 г., т.е. когда время для участия в выборах консулов 71 г. было упущено, риски для Помпея возрастали, так как в случае скорой расправы над восставшими рабами он не смог бы найти благовидного предлога для того, чтобы до выборов следующего года не распускать свою армию, в случае же затягивания на глазах всей Италии войны с рабами его авторитету будет нанесен существенный урон, что опять же сделает проблематичным получение разрешения на участие в выборах. В-третьих, Лукулл на востоке избрал достаточно медлительную тактику в войне против Митридата, что делало маловероятным его возвращение в Италию в 71 г. Эти соображения и обусловили то, что «Помпей остался в Испании еще на некоторое время, чтобы успокоить наиболее сильные волнения»³²⁰, и... решением сената был объявлен набор в новые легионы, а римские силы в борьбе со Спартаком возглавил Красс, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством³²¹. «Тогда все силы империи поднялись против мирмиллона, и Лициний Красс спас римскую честь»³²².

Приняв командование над шестью новыми легионами, Красс прибыл к границе Пицена, где присоединил к своей армии и два консульских легио-

---

³¹⁹ App. I. 115.

³²⁰ Plut. Pomp. 21.

³²¹ App. I. 118; Plut. Cras. 10.

³²² Flor. II. 8. 12.

на. Первым делом он поручил Мумию организовать с двумя легионами преследование Спартака, строго наказав, однако, не вступать в сражение и избегать даже мелких стычек. Но при первом же удобном случае Мумий напал на противника и потерпел жестокое поражение: многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие. Так как война с рабами имела четкие цели и завершена она должна быть не ранее, чем они будут достигнуты, Красс решил использовать случай бегства солдат Мумия для того, чтобы преподать жестокий урок сторонникам военной самостоятельности: «Оказав Мумию суровый прием, Красс вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них поручителей в том, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем пятьсот человек – зачинщиков бегства и разделив их на пятьдесят десятков, он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку – на кого укажет жребий. Так Красс возобновил бывшее в ходу у древних и с давних пор уже не применявшееся наказание воинов»³²³. Как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов³²⁴. Добившись железной дисциплины в своей армии, Красс занялся преследованием армии рабов, не ввязываясь в крупные сражения. Кроме того, он сообщил в Рим, что обратился за помощью к Помпею³²⁵ и Лукуллу³²⁶, так как по его мнению без участия их армий будет трудно одержать верх на Спартаком. В действительности обращение предназначалось для подготовки, с одной стороны, почвы для возвращения Помпея во всеоружии с целью получения власти, с другой, отзыва легионеров из Испании и Азии с тем, чтобы в рамках одной реформы одновременно решить вопросы их землеустройства.

Лукулл проигнорировал обращение Красса, тогда как Помпей стал не спеша готовиться к возвращению в Италию. Спартак тем временем отступил через Луканию и вышел к морю на юго-западной оконечности Италии, намереваясь высадиться в Сицилии и поднять там восстание. Здесь он вступил в переговоры с киликийскими пиратами, желая с помощью их кораблей переправиться на остров. Очевидно, по поручению Верреса пираты, приняв дары, обманули рабов и покинули пролив³²⁷. Вскоре сюда же подошел Красс, который решил осадить Спартака на полуострове путем строительства рва от одного берега моря до другого длиной в триста стадиев, шириной и глубиной в пятнадцать футов, а вдоль всего рва возвел стену, поражающую своей высотой и прочностью. Плутарх говорит, что тем самым Красс имел в виду двойную цель: «уберечь солдат от вредного без-

---

³²³ Plut. Cras. 10.

³²⁴ App. I. 118.

³²⁵ Plut. Cras. 11.

³²⁶ App. I. 120. Плутарх, как мы полагаем, ошибочно сообщает, что Красс обращался не к Лукуллу, сражавшемуся с Митридатом, а к его брату – наместнику Фракии.

³²⁷ Plut. Cras. 10.

делья и в то же время лишить врагов подвоза продовольствия»³²⁸. В действительности же Красс тянул время, ожидая прибытия Помпея. В начале года Помпей вступил со своими легионами в пределы Италии. «В Риме, узнав об осаде [Крассом Спартака] и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака – дело тягостное и серьезное»³²⁹.

Как только Помпей получил от сената это назначение, началось стремительное завершение восстания Спартака³³⁰: «Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака»³³¹. Красс заявил, что «теперь сожалел о своем шаге [раньше он писал сенату о необходимости вызвать и Лукулла и Помпея] и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, который явится к нему на помощь»³³².

Попытка самостоятельной высадки рабов с помощью подручных средств на Сицилию завершилась неудачей³³³. Нехватка продовольствия и известие о скором прибытии Помпея заставили Спартака действовать. Желая предупредить прибытие Помпея, вождь восставших предложил Крассу вступить в переговоры, однако тот с презрением отверг это предложение³³⁴. Дождавшись вьюжной зимней ночи, рабы засыпали небольшую часть рва землей, хворостом и ветками и перевели через него третью часть своего войска. После того, как прорыв удался, из-за раздоров целые отряды стали покидать Спартака. Крассу оставалось лишь методично их уничтожать. Один из этих отрядов восставших, расположившийся лагерем у Луканского озера, был атакован Крассом, но внезапное появление Спартака спасло его от полного уничтожения³³⁵. Вскоре римляне полностью уничтожат два других отколовшихся отряда численностью тридцать пять тысяч человек, состоявших преимущественно из галлов и германцев³³⁶ во главе с Ганником и Кастой³³⁷. «Положив [в одном из сражений] на месте двенадцать тысяч триста неприятелей, он [Красс] нашел среди них только двоих, раненных в

---

³²⁸ Plut. Cras. 10.

³²⁹ App. I. 119.

³³⁰ «От одного ожидания приезда Помпея наступило успокоение и затишье, а после его прибытия она была закончена и позабыта». Cic. De imp. Pomp. 30.

³³¹ App. I. 120.

³³² Plut. Cras. 11.

³³³ Flor. II. 8. 5; Sall. Hist. IV. 30-32.

³³⁴ App. I. 120. Напрашивается параллель с попытками вступить в переговоры с Помпеем Сертория, когда последний начал осознавать себя игрушкой в чужих руках.

³³⁵ Plut. Cras. 11.

³³⁶ Liv. Per. XCVII; Oros. V. 24. 6.

³³⁷ Plut. Cras. 11.

спину, все остальные пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян»³³⁸.

Тем временем сам Спартак, за которым по пятам следовали Квинт, один из легатов Красса, и квестор Скрофа, устремился через Петелийские горы³³⁹ к Брундизию, надеясь вырваться из Италии через этот портовый город. Когда Спартаку сообщили, что «в Брундизии находится и Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом [что не соответствовало действительности, возможно в Брундизии находился брат Лукулла, вернувшийся из Фракии], он понял, что все погибло»³⁴⁰.

Последнее сражение Спартак будет принужден дать со своими соратниками и воинами против собственной воли, точно так же как в свое время был принужден вернуться в Италию. Когда Спартак обернулся против преследовавших его отрядов Квинта и Скрофы, римляне бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора. «Этот успех и погубил Спартака, вскружив головы беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян»³⁴¹.

Генеральному сражению, произошедшему на границе Апулии и Лукании, предшествовали мелкие стычки: рабы тревожили римских воинов, занятых рытьем рва. С той и другой стороны стали подходить все большие подкрепления, «и Спартак был, наконец, поставлен в необходимость выстроить все свое войско»³⁴², составлявшее 90 тысяч человек³⁴³. Перед началом сражения к Спартаку подвели коня. Выхватив меч, он убил его, сказав, что «в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем», и устремился на самого Красса. Войска сошлись в отчаянной схватке. Убив двух центурионов, Спартак был ранен дротиком в бедро. Опустившись на колени и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца, вместе с большим числом окружавших его³⁴⁴. После этого сопротивление восставших было сломлено. В битве погибло 60 тысяч рабов³⁴⁵, 6 тысяч взято в плен³⁴⁶ и 3 тысячи римских граждан освобождено³⁴⁷. Часть ускользнувших с поля боя рабов укрылась в горах, где они разрозненными

---

³³⁸ Plut. Cras. 11.

³³⁹ Plut. Cras. 1.

³⁴⁰ App. I. 120.

³⁴¹ Plut. Cras. 11.

³⁴² Plut. Cras. 11.

³⁴³ Vell. II.30. 5. 6.

³⁴⁴ App. I. 120; Plut. Cras. 11.

³⁴⁵ Liv. Per. XCVII.

³⁴⁶ App. I. 120.

³⁴⁷ Oros. V. 24. 7.

группами отбивались от двинувшегося следом Красса до тех пор, пока не были уничтожены³⁴⁸. По приказу Красса все 6 тысяч взятых в плен рабов были распяты вдоль дороги, ведущей из Капуи в Рим³⁴⁹.

Пяти тысячам беглых рабов удалось оторваться от преследования воинов Красса и двинуться на север. В Этрурии отряд был перехвачен и полностью уничтожен Помпеем, который после этого поспешно написал сенату, что «Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем»³⁵⁰. Действительно, компетентность Помпея в вопросе о корнях восстания рабов под предводительством Спартака не вызывает у нас сомнения.

Лукулл избрал тактику неспешного продвижения по владениям понтийского царя. Если в 73 г. он избегал открытого столкновения с Митридатом из-за численного превосходства противника, то теперь он поступал так же ввиду слабости царя. Недовольным подобной тактикой Лукулл возражал: «я медлю с умыслом: пусть царь снова усилится и соберет достаточные для борьбы войска, так, чтобы он оставался на месте и не убегал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустыни, а рядом – Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встречи с врагом. К тому же от Кабир всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который со своей ратью преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие городские общины переселяет в Мидию, который завладел Сирией и Палестиной, а царей из рода Селевка предает смерти и уводит в неволю их жен и дочерей. И такой человек – родственник, зять Митридату! Уж если тот прибежит к его защите, он не оставит его в беде и начнет с нами войну. Как бы нам, торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном! Ведь он уже давно ищет предлога для войны с нами, а где же он найдет лучший, чем помочь в беде царственному родичу? К чему нам добиваться этого, зачем учить Митридата, к чьей помощи прибегнуть в борьбе против нас? Зачем загонять его в объятия Тиграна, когда он сам этого не хочет и считает за бесчестие? Не лучше ли будет дать ему время собрать собственные силы и снова воспрянуть духом – ведь тогда нам придется сражаться не с мидянами и армянами, а с колхами, тибаренами и каппадокийцами, которых мы много раз бивали!»³⁵¹.

Лукулл запретил своим воинам вступать для грабежа в понтийские города, ограничиваясь разорением сельских местностей, чем стимулировал

---

³⁴⁸ App. I. 120.

³⁴⁹ App. I. 120.

³⁵⁰ Plut. Pomp. 21.

³⁵¹ Plut. Luc. 14.

недовольство среди римских легионеров: «Ведь вот и теперь, – говорили воины, – мы легко могли бы взять Амис, этот цветущий и богатый город, стоит только живее взяться за осаду, но нам приходится все бросить, чтобы идти за этим человеком в Тибаренскую и Халдейскую пустыни воевать с Митридатом!»³⁵².

Митридат в течение года сумел набрать сорокатысячную армию и четыре тысячи всадников³⁵³. Проведя зиму 72-71 гг. под Амисом, так и не приложив к осаде особого усердия, Лукулл поручил взятие города Мурене и с наступлением весны выступил по направлению к Кабире, где стоял Митридат. Передовые отряды под командованием Феникса, которые должны были задержать продвижение Лукулла, встретив римлян, перешли на их сторону. Беспрепятственно пройдя через горы, Лукулл спустился к Кабире. В долине у реки Лик произошло конное сражение между римлянами и понтийцами, в котором последние одержали верх, захватив в плен раненого начальника римской конницы Помпония, и вынудили Лукулла отступить обратно в горы. В последующие дни Митридат не раз выстраивал свои войска, однако Лукулл отказывался от боя.

С помощью местных проводников римляне незаметно перевели свой лагерь на более безопасную позицию – небольшое укрепление, нависающее над Кабирами, с которого было удобно как атаковать противника, так и отсиживаться от нападения. Одна из случайных стычек между противниками, в результате которой римские легионеры вынуждены были спасаться бегством, чуть было не переросла в большое сражение. Однако Лукулл приказал своим войскам не покидать укрепленного лагеря, а когда опасность миновала, наложил на бежавших солдат наказание³⁵⁴.

С целью убийства Лукулла Митридат под видом перебежчика подослал к нему некоего Олтака – одного из дандарийских правителей, который, войдя в доверие римлян (во время конного сражения под Кабирой он спас многих римлян), стал приглашаться на штабные заседания. Однако в день планируемого покушения нервы Олтака сдали и он сразу ускакал к Митридату: Олтак хотел пройти в палатку военачальника, однако охранник Мендем отказался его впускать, так как Лукулл в это время спал, когда же дандариец заявил, что войдет без спроса, то услышал в ответ: «Нет дела важнее, чем беречь Лукулла!»³⁵⁵.

Основные боевые действия между сторонами переместились на пути доставки провизии. Римлянам удалось нанести ряд весьма чувствительных поражений. Отправленный с десятью когортами на поиски продовольствия Сорнатий нанес тяжелое поражение и обратил в бегство преследовавшего

---

³⁵² Plut. Luc. 14.

³⁵³ App. Mithr. 78; Plut. Luc. 15.

³⁵⁴ Plut. Luc. 15.

³⁵⁵ App. Mithr. 79; Front. II. V. 30; Plut. Luc. 16.

его Менандра, одного из полководцев Митридата, а затем точно также Адриан уничтожил пешие и все конные силы понтийцев под предводительством Менемаха и Мирона, оставив в живых всего двух человек. Митридат пытался скрыть от своих воинов масштабы потерь, однако когда Адриан торжественно прошел мимо его лагеря в сопровождении множества повозок, груженных продовольствием и боевой добычей, понтийцев стал охватывать ужас³⁵⁶.

Вечером, втайне от солдат, слуги Митридата попытались вывести из лагеря его багаж. Большое число вьючных животных, столпившихся у ворот, выдало намерение царя солдатам, которые, заподозрив, что скрывается нечто ужасное, устроив бесчинства, стали грабить царское имущество и разбегаться из лагеря. В давке у ворот погибли царский военачальник Дорилай и жрец Гермей. Сам Митридат, брошенный своими приближенными, выбежал из своей палатки и пытался как-то повлиять на бесчинствующих, но его уже никто не слушал. Затертый в толпе и сбитый с ног, он упал и чуть не был растоптан собственными же солдатами. С большим трудом ему удалось вырваться из лагеря. Евнух Птолемей, разглядев его в потоке бегущих, уступил царю свою лошадь³⁵⁷.

Видя неожиданное и беспорядочное бегство врагов, Лукулл послал своих всадников преследовать убегающих, тогда как римская пехота принялась грабить лагерь. «Погоня уже настигла было коня, уносившего Митридата, как вдруг между царем и преследователями оказался один из мулов, на которых везли золото: может быть, он попал туда случайно, а возможно, царь с умыслом подсунил его римлянам»³⁵⁸. Один из всадников ударил по клади мула и, увидав посыпавшееся золото, вместе со своими соратниками набросился на него. Время оказалось упущенным – Митридат бежал в Команы, откуда с двумя тысячами всадников поспешно направился к армянскому царю Тиграну³⁵⁹. Если бы всадникам удалось схватить Митридата, то вполне возможно, что солдаты Лукулла успели бы к распределению земель среди ветеранов, осуществленных в консульство Помпея.

Упустив, таким образом, в очередной раз Митридата, Лукулл повернул назад и покорил халдеев и тибаренов, захватил Малую Армению, где заставил сдать множество крепостей и городов³⁶⁰. В это же время армянский царь Тигран во главе трехсоттысячного войска завоевывал Сирию и планировал двинуться в Иудею. Получив известие о бегстве своего тестя Митридата, Тигран, после взятия Птолемаиды, забрав с собой в качестве

---

³⁵⁶ Plut. Luc. 17.

³⁵⁷ App. Mithr. 81; Plut. Luc. 17.

³⁵⁸ Plut. Luc. 17.

³⁵⁹ App. Mithr. 82.

³⁶⁰ Plut. Luc. 19.

заложницы дочь Птолемея Фискона – Клеопатру³⁶¹, немедленно поспешил вернуться к себе домой³⁶².

Армянский царь отказался от личной встречи со своим тестем, однако приказал доставить его с почетом в одно из своих имений³⁶³. Узнав об этом, потерявший надежду на сохранение царства Митридат послал в свой дворец близ Фарнакии евнуха Бакха убить содержащихся там царских сестер, жен и наложниц³⁶⁴. Как только распространились известия о гибели царской семьи, большинство понтийских гарнизонов стали без сопротивления сдавать римлянам свои города.

Вскоре после подавления восстания беглых рабов и накануне консульских выборов 71 г. и Помпей, и Красс привели свои легионы к стенам Рима. Учитывая, что в рядах армии Помпея были и перебежавшие на его сторону солдаты Сертория, он выполнил свою угрозу, которую огласил в письме сенату в конце 75 г. («Каждое [войско – и Помпея, и Сертория] может прийти в Италию в качестве победителя. ...если вы не придете мне на помощь, то против моей воли, но после предупреждения с моей стороны, войско, а вместе с ним и вся испанская война, переправится в Италию»³⁶⁵), правда не столь прямолинейно, как того могли ожидать его оппоненты в Риме.

Группа граждан обратилась к сенату с просьбой разрешить Помпею, который не был ни претором, ни квестором и имел в это время возраст 34 года, выставить свою кандидатуру на консульских выборах³⁶⁶. В городе с подозрениями и страхом стали поговаривать, что Помпей «не распустит своего войска, а тотчас с помощью вооруженной силы станет на путь единовластия и пойдет по стопам Суллы»³⁶⁷. Однако Помпей объявил, что распустит свои легионы сразу после триумфа за испанский поход³⁶⁸. Сенат, учитывая его заслуги перед государством, а также наличие легионов у города, вынужден был без особой волокиты удовлетворить его просьбу.

Красс также решил домогаться консульства и открыто обратился к Помпею за поддержкой. «Тот с радостью выразил свою полную на то готовность, ибо ему хотелось, чтобы Красс так или иначе всегда был обязан ему за какую-нибудь любезность; он стал усердно хлопотать и, наконец, заявил в Народном собрании, что он будет столь же благодарен за товарища

---

³⁶¹ Спустя некоторое время по приказу Тиграна Клеопатра была казнена в крепости Селевкия в Месопотамии. Strabo 14. 2. 3.

³⁶² Ios. Antt. XIII. 16, 4.

³⁶³ App. Mithr. 82.

³⁶⁴ Plut. Luc. 18.

³⁶⁵ Sall. Hist. II. 98.

³⁶⁶ Plut. Cras. 12.

³⁶⁷ Plut. Pomp. 21.

³⁶⁸ Plut. Pomp. 21.

по должности, как и за само консульство»³⁶⁹. Победа Помпея и Красса на выборах была безоговорочной, но их легионы так и не распускались.

Помпей обещал своим согражданам, в случае избрания, вернуть народным трибунам многие прежние прерогативы их власти³⁷⁰, «ибо ни к чему другому народ римский не стремился более неистово, ничего не желал более страстно, как видеть восстановленной власть народных трибунов»³⁷¹. Будучи уже избранным консулом, подготавливая почву для судебной реформы, он заявил, что «судебные приговоры выносятся позорные и гнусные, что он намерен обратить на это свое особое внимание и принять меры для устранения этого зла»³⁷².

Ознакомившись с программой Помпея, а именно с его намерением фактически отменить сулланскую конституцию, сенаторы, большинство из которых являлись таковыми благодаря Сулле, сразу же назначили ему второй триумф³⁷³, надеясь, таким образом, добиться от него роспуска легионов. На это Помпей заявил, «что он ожидает возвращения Метелла, чтобы справить испанский триумф»³⁷⁴, т.е. не стоит ожидать скорого проведения триумфа. Большинство граждан, ратовавших за восстановление полномочий народных трибунов, с пониманием отнеслось к намерению Помпея не распускать армию, так как для отмены навязанной силой сулланской конституции необходимо было обладать не меньшей силой.

Тогда Красс также отказался распускать свои легионы, так как назначенная ему сенатом за подавление восстания беглых рабов орация, т.н. пеший триумф, должна была состояться после испанского триумфа, так как испанская кампания завершилась раньше подавления восстания Спартака. Он категорично заявил, что «предварительно должен распустить свое войско Помпей»³⁷⁵. Таким образом, «после избрания консулы во всем разошлись друг с другом и начали [полагаем, только внешне] враждовать»³⁷⁶.

Римское общество, погружаясь в атмосферу открытого внешнего соперничества между Помпеем и Крассом и их армиями, невольно с ужасом вспоминало последствия вражды между Суллой и Марием. Какое-то время сенат еще будет надеяться, что возвращение Метелла с войсками позволит создать противовес Помпею и Крассу, но тот «распустил свое войско как только отошел от Альп»³⁷⁷.

---

³⁶⁹ Plut. Cras. 12.

³⁷⁰ App. I. 121.

³⁷¹ Plut. Pomp. 21.

³⁷² Cic. Verr. 45. Речь против Гая Верреса (В суде, первая сессия, 5 августа 70 г.).

³⁷³ Plut. Pomp. 21, 22.

³⁷⁴ App. I. 121.

³⁷⁵ App. I. 121.

³⁷⁶ Plut. Pomp. 22.

³⁷⁷ Sall. Hist. IV. 49.

«Красс имел больше влияния в сенате, а сила Помпея была в исключительной любви народа»³⁷⁸. Слова Плутарха о том, что «расходясь почти во всем, ожесточаясь друг против друга и соперничая между собой, они сделали свое консульство бесполезным для государства и ничем его не ознаменовали»³⁷⁹, в действительности справедливы только по отношению к Крассу, да и то в том смысле, что он лично в свое консульство никакими делами не запомнился (Плутарх говорит лишь о том, что Красс, совершив грандиозное жертвоприношение Гераклу, угостил народ на десяти тысячах столов и дал каждому хлеба на три месяца³⁸⁰), зато, контролируя и умело управляя реакцией сулланского сената, он сумел обеспечить Помпею полную свободу действий.

Предложение о восстановлении власти народных трибунов, чего римский народ желал больше всего, Помпей внес от своего имени³⁸¹. Катулл, один из авторитетных сенаторов, коллега по консульству Лепида и его противник, на сенатских слушаниях вынужден был признать неизбежность принятия законопроекта Помпея: «отцы-сенаторы роняют и позорят правосудие; если бы они, вынося приговоры, захотели считаться с мнением римского народа, то народ не требовал бы восстановления власти трибунов так настоятельно»³⁸². Принятый, таким образом, *lex Pompeia Licinia de tribunicia potestate* отменил все ограничения трибунской власти³⁸³. Кроме того, теперь народные трибуны получили даже право по своему усмотрению распускать заседания сената³⁸⁴. Деятельное участие в принятии данного закона принял Юлий Цезарь, который на 70 г. был избран народным собранием на должность войскового трибуна – первая его должность после возвращения в Рим³⁸⁵.

После этого с подачи народного трибуна Плотия была принята амнистия, распространявшаяся на участников мятежа Лепида и движения Сертория³⁸⁶, восстанавливавшая в полном объеме их гражданские и политические права.

И, наконец, как конечная цель Помпея, был принят аграрный закон (*lex Plotia agraria*), по которому должна была быть произведена земельная

---

³⁷⁸ Plut. Pomp. 22.

³⁷⁹ Plut. Cras. 12.

³⁸⁰ Plut. Cras. 12.

³⁸¹ Cic. Verr. act. I. 44.

³⁸² Cic. Verr. act. I. 44.

³⁸³ App. I. 121; Liv. Per. XCVII; Plut. Pomp. 22.

³⁸⁴ App. II. 29.

³⁸⁵ Suet. Caes. 5.

³⁸⁶ Suet. Caes. 5.

раздача среди ветеранов Помпея, Метелла и Красса³⁸⁷. Причем аграрный закон был одобрен сенатом³⁸⁸.

Все законодательные инициативы Помпея беспрепятственно утверждались. Казалось, все удастся решить без особых проблем: политические оппоненты помпеянцев были деморализованы и не способны оказать влияние на принимаемые решения. Но проблема возникла откуда не ждали.

Еще в конце 71 г. городскими общинами Сицилии на основании Корнелиева закона о вымогательстве к суду по обвинению в хищениях, взяточничестве, несправедном суде, превышении полномочий и оскорблении религии был привлечен Веррес, управлявший островом в 73-71 гг. Материальный ущерб наместничества Верреса островитяне оценили в 100 млн. сестерциев. Обвинителем на процессе, вопреки желанию потерпевшей стороны, планировали назначить некоего Квинта Цецилия Нигра, бывшего квестором Верреса на Сицилии. Очевидно, что в этом случае Веррес мог не опасаться приговора суда. Но... с просьбой принять на себя обвинение депутаты от острова обратились к молодому Цицерону, своему бывшему квестору³⁸⁹. Марк Туллий Цицерон был одним из многочисленных представителей «новых людей» (*homines novi*), римских граждан, не имеющих влиятельных родственных связей, прибывающих из провинции в Рим ради политической карьеры. Получивший отменное образование и обладающий неоспоримым красноречием Цицерон к тому времени имел уже достаточно успешный опыт выступления защитником в ряде судебных процессов. Согласившись представлять интересы островитян, Цицерон в январе 70 г., в числе других, подал Манию Ацинию Глабриону, претору-председателю уголовной комиссии по вымогательствам, прошение о назначении его обвинителем Верреса. Для этого, согласно процедуре, было заслушано отдельное дело, т.н. дивинация³⁹⁰. Во время этого раунда слушаний к Цицерону обращались с вопросами «Что ему нужно? Неужели он из прежнего защитника хочет сделаться обвинителем, и при том теперь, в его годы, когда

---

³⁸⁷ Cic. Ad Att. 1.18.6. Об аграрном законе Плутарх упоминает лишь Цицерон, да и то без всяких подробностей: «Флавий обнаружил земельный закон, без сомнения, почти такой же незначительный, каким был закон Плотия». Между тем, наличие этого закона вскрывает истинные мотивы упразднения сулланской конституции. Только Плутарх устами Клодия однозначно утверждает, что ветераны Испанской кампании и войны с рабами получили достаточное вознаграждение за службу в армии: «То ли дело, продолжал он, солдаты Помпея! Они уже давно мирные граждане и живут со своими женами и детьми где-нибудь на плодородных землях или по городам, а ведь им не пришлось загонять Митридата и Тиграна в необитаемые пустыни или ниспровергать азийские столицы, они всего-то и воевали, что с изгнанниками в Испании да с беглыми рабами в Италии!» Plut. Luc. 34.

³⁸⁸ Dio. XXXVIII. 5.

³⁸⁹ Plut. Cic. 6.

³⁹⁰ В Риме отсутствовал институт прокуратуры. Желая стать обвинителем граждан должен был произнести перед судом речь с обоснованиями, согласно которым обвинение следовало поручить ему, после чего совет судей принимал решение о назначении обвинителя.

он добивается должности эдила?»³⁹¹. Цицерон пламенно отвечал: «Напротив, я считаю не только в мои годы, но даже в зрелом возрасте и в самой высокой должности следует выступать обвинителями негодяев и защитниками несчастных и угнетенных. Если нашему больному, стоящему на краю могилы государству, нашим судам, обесчещенным преступлениями немногих личностей, может быть дана помощь – то на том только условии, чтобы вполне честные, безукоризненно нравственные и добросовестно относящиеся к своим обязанностям люди выступали на защиту законов и правосудия; но если не поможет и это средство, всякая помощь окажется бессильной против такой ужасной болезни. Нет принципа более благодетельного для государства, чем тот, чтобы обвинители боялись за свою репутацию, за свою честь и доброе имя не менее, чем обвиняемые – за свою жизнь и имущество. Вот почему самыми честными и добросовестными обвинителями оказываются всегда те, которые сознают, что в данном случае творится суд и над их собственным добрым именем. ...От меня же римский народ получил много залогов, и мне всеми силами нужно будет трудиться, чтобы сохранить их целыми и невредимыми; в его [римского народа] руках почесть, к которой я стремлюсь, в его руках надежда, которая меня оживляет, в его руках мое доброе имя, которое я приобрел ценою долгих трудов, сильного напряжения, многих бессонных ночей. Все это мне удастся сохранить не иначе, как доказав римскому народу в настоящем деле мою преданность долгу и мою добросовестность; если же я хоть в незначительной мере обману его ожидания, то я рискую вдруг потерять все то, что я собрал мало по малу, в течение продолжительного времени»³⁹².

Несмотря на попытку Верреса подкупить нескольких судей с целью склонить их голоса в пользу Кв. Цецилия, дивинация Цицерона прошла успешно и он был назначен обвинителем.

Зная, что на публичных слушаниях невозможно будет добиться оправдания бывшего сицилийского наместника, покровители Верреса решили добиваться затягивания процесса, с тем, чтобы в следующем (69) году дело рассматривалось уже при новом составе суда и вся судебная процедура была бы заново повторена. Так как по запросу Цицерона с 10 января ему, для проведения следствия, было предоставлено 110 дней, то уже 11 января неизвестным нам лицом к суду был привлечен бывший наместник Ахайи. По этому фиктивному делу срок следствия был назначен в 108 дней. Таким образом, слушания по последнему делу, которые преднамеренно будут затягиваться и растянутся на три месяца, состоялись прежде слушаний дела Верреса и Цицерону пришлось ждать его окончания. Кроме того, самому

---

³⁹¹ Cic. Verr. Divinatio. 70.

³⁹² Cic. Verr. Divinatio. 70-72.

Цицерону чинились всяческие препятствия в ходе проводимого им расследования, в том числе и новым наместником Сицилии Л. Метеллом.

Только 5 августа целеустремленный Цицерон получит возможность приступить к своим обвинительным речам против Верреса. К этому времени Гортензий – защитник Верреса, а также Кв. Метелл – родственник и друг Верреса, уже были избраны консулами на 69 г. В Риме говорили, что «обвиняемый, который накануне уже сам считал себя осужденным, ныне, после того как его защитник избран в консулы, уже считается оправданным»³⁹³. Если бы слушания проходили в соответствии со сложившейся процедурой, Веррес добился бы затягивания процесса, так как из-за кстати проводимых с 16 августа по обету Помпея общественных игр слушания должны были бы прерваться чуть ли не до конца года. Однако Цицерон вместо длинной речи произнес ряд коротких с представлением доказательств и показаниями свидетелей. Одного этого хватило, чтобы уже 7 августа Веррес, сказавшись больным, не явился на заседание суда, а вскоре вообще удалился в добровольное изгнание. Из опубликованных, но так и не оглашенных Цицероном речей по делу Верреса можно сделать вывод, что, огласи их оратор публично, разразился бы грандиозный скандал, который потребовал бы дополнительного расследования мотивов преступлений Верреса, а также установления его покровителей: особенно это касается пятой книги Цицерона, где говорится о гибели островной эскадры, о появлении пиратов в сиракузской гавани, о несправедливом суде над невинными капитанами, об их жестокой казни, а также казни римских граждан. Очевидно, упреждая подобный оборот событий, Верресу настойчиво посоветовали добровольно удалиться в изгнание и таким образом добиться прекращения процесса, не дожидаясь следующих речей Цицерона. Суд подтвердил добровольное изгнание Верреса и обязал его выплатить в пользу сицилийцев 40 млн. сестерциев.

По сравнению со значительными достижениями своего консульства, а также той ценой, которую за них пришлось заплатить, для Помпея добровольное изгнание Верреса и возвращение пострадавшим сицилийцам 40 млн. сестерциев было вполне приемлемой ценой за то, чтобы не подвергать осуществляемые реформы риску сворачивания, а Верреса, да и не столько его, – опасности полного разоблачения.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Верреса судил сенаторский суд. После убедительной победы обвинения в этом суде оправдание обвиняемого новым составом суда, куда кроме сенаторов уже должны были войти всадники и эрарные трибуны, дискредитировало бы саму судебную реформу, о которой речь пойдет чуть ниже.

---

³⁹³ Cic. Verr. act. I. 20.

Уже эффективное участие Цицерона в процессе Верреса должно было определить отношение Помпея к Цицерону, как к безусловно красноречивому оратору, целеустремленному и вместе с тем опасному в своем понимании справедливости человеку. Помпей стал оказывать Цицерону знаки уважения³⁹⁴.

Начиная с середины августа Рим вступил в череду общественных игр: с 16 августа по 1 сентября проводились игры по обету Помпея в честь победы над Серторием, с 5 по 19 сентября – римские игры, с 26 октября по 1 ноября – игры в честь победы Суллы в 82 г. и, наконец, с 4 по 17 ноября – плебейские игры.

Помпею предстояло осуществить еще ряд мер, призванных минимизировать возможности для отмены принятых законов. В первую очередь это касалось судебной системы.

Согласно введенному Суллой порядку, судебные комиссии составлялись, как и было принято изначально в Риме³⁹⁵, исключительно из представителей сенатского сословия. Утратившие в результате реформ Помпея существенные полномочия сенаторы, обладая монополией в судах, могли через них добиться признания принятых решений незаконными. Чтобы лишить сенаторов подобной возможности, по инициативе претора Люция Аврелия Котты³⁹⁶ была осуществлена судебная реформа (*lex Aurelia iudiciaria*), согласно которой судебные комиссии составлялись уже поровну из представителей трех сословий: сенаторов, всадников и так называемых «эрарных трибунов» – богатых плебеев, близких по своему имущественному положению к всадникам.

Изменения коснулись и самого сената: Лентул и Геллий, консулы 72 г., которые во время войны с рабами «терпели поражение и поодиночке, и вместе, тщетно соединяя силы»³⁹⁷, будучи в 70 г. цензорами, провели суровую чистку сената, исключив 64 человека³⁹⁸, и, очевидно, включили в его состав такое же количество лояльных Помпею людей.

Уже подходило к завершению консульство Помпея, «а между тем несогласия его с Крассом усиливались»³⁹⁹. «Народ, видя, что начинается новая распря, боясь двух армий, расположенных около Рима, просил консулов в заседании, происходившем на форуме, покончить дело миром»⁴⁰⁰. Оба консула отказались мириться. Малоизвестный римский всадник Гай

---

³⁹⁴ Plut. Cic. 8.

³⁹⁵ В 123 г. народный трибун Г. Грак исключил сенаторов из состава судов и передал последнее исключительно в ведение сословия всадников. Vell. II. 32. 3.

³⁹⁶ Cic. Phil. I. 20; ad Att. I. 16. 3; Liv. Per. XCVII; Plut. Pomp. 22; Vell. II. 32. 3.

³⁹⁷ Oros. V. 24. 19.

³⁹⁸ Liv. Per. XCVIII.

³⁹⁹ Plut. Pomp. 23.

⁴⁰⁰ App. I. 121.

Аврелий поднялся на возвышение для оратора и рассказал о бывшем ему во сне видении: «Сам Юпитер, – сказал он, – явился мне и велел объявить все-народно его волю, чтобы вы не ранее дозволили консулам сложить с себя власть, чем они станут друзьями»⁴⁰¹, иначе следует ожидать наступления многих ужасов⁴⁰². Народ стал снова с плачем и унижением просить их примириться. Помпей продолжал молча стоять. Тогда Красс первым, подав ему руку, сказал: «Полагаю, сограждане, что я не совершаю ничего низкого или недостойного себя, делая первый шаг и предлагая любовь и дружбу Помпею, которого вы, когда он еще был безбородым, провозгласили Великим и еще не участвующего в сенате признали заслуживающим триумфа»⁴⁰³. Помпей в свою очередь подбежал к Крассу. «Когда они подали друг другу руки, посыпались на них всякого рода благопожелания, и народ оставил собрание лишь после того, как оба консула объявили, что они распускают свои армии. Так-то спокойно разрешилась размолвка между консулами»⁴⁰⁴.

Вскоре после этого Помпей попросил освободить его от военной службы⁴⁰⁵, а также не направлять его после окончания магистратуры в какую-либо провинцию⁴⁰⁶. Оба пожелания были с восторгом встречены народом. Согласно обычаю, покидавший военную службу римский всадник должен был явиться со своим конем на форум и отчитаться перед цензорами, в данном случае Гелием и Лентулом, о своей службе: «перечислить полководцев, под начальством которых он служил, представить отчет о своих подвигах и получить отставку; каждому, в зависимости от его поведения, присуждается похвала или порицание»⁴⁰⁷. Помпей явился на эту процедуру, облаченный в знаки консульского отличия и ведя под уздцы своего коня. Народ с изумлением и восторгом молча наблюдал за происходящим. Старший из цензоров торжественно спросил: «Помпей Магн, я спрашиваю тебя, все ли походы, предписанные законом, ты совершил?» Помпей отвечал громким голосом: «Я совершил все походы и все под моим собственным начальством». После этих слов раздались ликующие крики народа, которые уже невозможно было прекратить. Цензоры встали со своих мест и проводили Помпея домой в угоду согражданам, которые, рукоплещая, следовали за ними⁴⁰⁸.

---

⁴⁰¹ Plut. Cras. 12.

⁴⁰² App. I. 121.

⁴⁰³ Plut. Cras. XII; Pomp. 23.

⁴⁰⁴ App. I. 121.

⁴⁰⁵ Plut. Pomp. 22.

⁴⁰⁶ Vell. II. 31. 1. Plut. Pomp. 22.

⁴⁰⁷ Plut. Pomp. 22.

⁴⁰⁸ Plut. Pomp. 22.

Популярным решением оставить военную службу Помпей, с одной стороны, развеял опасения тех, кто считал, что он стремится к диктатуре, а с другой – фактически получил возможность остаться в Риме, чтобы контролировать и обеспечить процесс наделения ветеранов земельными наделами, что оказалось совсем не лишним. Очень скоро процесс наделения ветеранов землей стал задерживаться⁴⁰⁹ под предлогом недостаточности средств в казначействе⁴¹⁰. Очевидно, дали о себе знать финансовые последствия дела Верреса. Отсрочка в выполнении аграрного закона Плотия также отражала политическую оппозицию сената торжествующим командующим⁴¹¹. Однако Помпею, судя по сообщению Плутарха, пусть и отчасти⁴¹², удалось добиться реализации аграрного закона⁴¹³. После завершения своих первых консульских полномочий Помпей будет избегать активного участия в общественной жизни, редко посещая общественные места, да и то всегда в сопровождении большой свиты своих сторонников⁴¹⁴.

В целом же, Помпей неимоверными усилиями добился выполнения поставленной перед ним в 81 г. задачи: его солдаты получили достойное вознаграждение за свою службу. Заслуженный авторитет Помпея среди военных достиг небывалых высот⁴¹⁵.

Незавершенным оставался лишь вопрос сворачивания деятельности пиратов. В 69 г. в Рим от критян, которые, как нам известно, были союзниками киликийских пиратов, прибыло посольство, которое должно было добиться оправдания островитян и заключить мирный договор⁴¹⁶. Вопрос о войне и мире с Критом был вынесен на рассмотрение сената. Сенаторы проголосовали за заключение мирного договора, но... народный трибун Лентул Спинтер, друг Цицерона, объявив постановление сената противоречащим интересам государства, воспользовался правом интерцессии и наложил запрет на его выполнение⁴¹⁷. После этого от критян потребовали выдачи Ластена, воевавшего с Марком Антонием, всех пиратских судов, всех имевшихся у них римских пленников, трехсот заложников, а также заплатить четыре тысячи талантов серебра⁴¹⁸. Когда от критян был получен отказ, сенат послал против них консула Квинта Цецилия Метелла. Очевидно, что когда попытка тихого сворачивания пиратской деятельности потерпела неудачу, Помпей как сторона, не сумевшая выполнить свои обязательства,

---

⁴⁰⁹ Dio. XXXVIII.5.

⁴¹⁰ Gruen E.S. Last Generation of the Roman Republic. Berkley & L. A., 1974, p. 388.

⁴¹¹ Gruen E.S. Last Generation of the Roman Republic. Berkley & L. A., 1974, p. 388.

⁴¹² Dio. XXXVIII.5.

⁴¹³ Plut. Luc. 34.

⁴¹⁴ Plut. Pomp. 23.

⁴¹⁵ Plut. Cic. 8.

⁴¹⁶ App. Sic. 6; Diod, XI, L, 3 сл.

⁴¹⁷ Diod. Fr. XL. 1.

⁴¹⁸ App. Sic. 6.

предоставил пиратам карт-бланш. С другой стороны, финансовые проблемы в выполнении аграрного закона делали востребованным этот источник поступления денег. Пираты с новой силой стали действовать на морских торговых путях и грабить прибрежные торговые города⁴¹⁹. Цены на продовольствие в Риме резко пошли вверх⁴²⁰.

В 69 г. умерла вдова Гая Мария – Юлия. Во время похорон ее племянник, Юлий Цезарь, произнес на форуме с ростральной трибуны поминальную речь, а также осмелился впервые со времени прихода к власти Суллы публично выставить изображения Мария, который вместе со своими сторонниками был объявлен диктатором врагом отечества⁴²¹. Некоторые из видных сулланцев попытались яростно воспрепятствовать этому, но собравшийся народ рукоплесканиями поддержал его. Поступок Цезаря был призван пробить первую брешь в пелене официального забвения Мария: «спустя столь долгое время [Цезарь] как бы возвращал честь Мария из Аида в Рим»⁴²². В целом реабилитация марианцев отвечала интересам Помпея, который решил проблемы своих ветеранов, как и в свое время Марий, с помощью аграрного закона и при далеко не последней поддержке марианцев. В том же году умерла жена Цезаря Корнелия, от брака с которой у него осталась дочь Юлия.

Между тем, с Востока стали поступать тревожные известия...

---

⁴¹⁹ Cic. De imp. Pomp. 32-34, 53.

⁴²⁰ Plut. Pomp. 26.

⁴²¹ Plut. Caes. 5; Suet. Caes. 6.

⁴²² Plut. Caes. 5.